

АННА БЛЕЙК

ЗА
ГРЕХИ
ОТЦОВ

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЕДЕТ АКСЕЛЬ ГРИН

Анна Блейк
За грехи отцов
Серия «Город убийц»
Серия «Расследование
ведет Аксель Грин», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69503362
За грехи отцов: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-157409-3

Аннотация

Благополучный город Треверберг потрясен ужасающей новостью: во время осмотра выставленного на продажу старого особняка обнаружена жуткая инсталляция. Большое кострище с обгорелым трупом молодой женщины и перед ним на коленях мужчина, облаченный в одежды священника. Картина, полная скорби и вызывающая массу вопросов. Молодой детектив полицейского управления Аксель Грин берется за дело и обнаруживает целый клубок парных убийств, жертвы которых всегда одинаковы: молодая женщина и мужчина средних лет. Кто их убивает? Как выбирает жертв? Почему он это делает?

История о высшем суде, двойных стандартах, превратностях расследования и борьбе с самим собой в дебютном триллере-детективе Анны Блейк.

Содержание

Часть первая. Пират и инквизитор	6
1. Риталина	6
2. Аксель	15
3. Марк	27
4. Альберт. 1978	38
5. Аксель	45
6. Кейра	55
7. Аксель	65
8. Изольда	76
9. Альберт. 1978	85
10. Марк	94
11. Аксель	106
12. Кейра	117
13. Аксель	128
14. Марк	141
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Анна Блейк

За грехи отцов

© Блейк А., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Часть первая. Пират и инквизитор

1. Ритолина

03 октября 1999 года

Старый Треверберг

Рита напряженно постучала тонкими пальцами с длинными красными ногтями по рулю своего «Вольво». Она приехала, как положено образцовому сотруднику, претендовавшему на продвижение в лучшей риелтерской фирме города, за пятнадцать минут до назначенного времени, а вот потенциальные клиенты задерживались. Говорят, у богатых свои причуды. А еще говорят, что действительно богатые люди, которые работали ради того, чтобы сколотить состояние, и знают ему цену, никогда не опаздывают. Что не скажешь о тех, кто получил деньги случайно – в наследство, например, или чересчур быстро. Слишком успешны для серьезного отношения к жизни. Построили свою финансовую империю на махинациях, не очень законном товарообороте или чем похуже. Рита выдохнула из легких горьковатый дым сигарет и осмотрела вычурный особняк, который должна была презентовать потенциальным покупателям.

Обычно фирма Самуэля Муна продавала свои постройки

или те особняки, которые приобрела в собственность, но в начале этого года стратегия изменилась, и она начала подписывать обычные риелтерские договоры. Рита впахивала без отпуска шесть месяцев, чтобы наконец в сентябре ей выделили один такой объект. Настолько роскошный и настолько дорогой, что даже Мун не решился вложиться, а предпочел просто перепродать.

Рита вызубрила историю особняка, обходя детали, которые не захочет слышать ни один покупатель (западное крыло укрепляли, там просел фундамент, а в садовом пруду завелась какая-то нечисть, которая поела всю рыбу, и пруд пришлось осушить, а потом наполнить заново), построила речь такого качества, что позавидует и опытный политик. И вот сидела... и перегорала. Она хорошо себя знала: если клиенты задержатся больше чем на тридцать-сорок минут, провести встречу так, чтобы сделка состоялась, она не сможет. От нее останутся тлеющие огоньки, а продажи – это пламя. И никак не меньше.

Рита сама была пламенем. С детства она стремилась к любому движению. Она занималась спортивной гимнастикой, потом начала танцевать. Лет с тринадцати всерьез увлеклась ориентированием на местности и каждые выходные убегала с друзьями по интересам за город, в смешанные леса с густым подлеском, окружавшие Треверберг плотной стеной. Именно в один из таких походов ребята наткнулись на уединенную резиденцию, построенную, очевидно, еще в про-

шлом столетии. Здание было старым, а забор слегка покосился, но Рита застыла, будто увидела статую Давида вблизи. Ее покорили размах резиденции, деревянная резьба, то, как был организован сад, въездная группа. Девочка будто перенеслась в эпоху экипажей и балов и поняла, что когда-нибудь она станет тем, кто создаст архитектурный шедевр. Она окончила школу с золотой медалью, обеспечив ее себе за счет чудовищной усидчивости и спортивного самоконтроля гимнастки, которая мечтала получить олимпийское золото. Поступила в университет. Получила красный диплом, которым страшно гордилась... и осталась на улице. С дипломом и знаниями, победами в конкурсах и олимпиадах, но никому не нужна. Она обошла все архитектурные салоны города в поисках работы, пока случайным образом не наткнулась на Самуэля Муна, владельца фирмы «Мун Девелопмент», которая занималась строительством и продажей.

Мун опытным взглядом художника посмотрел ее университетские работы (хотя больше, конечно, он рассматривал ее декольте), заявил, что открытой должности архитектора у него нет, а вот вакансия риелтора открыта. И если она сможет себя показать, они снова поговорят. Может, что и изменится. Продавать дома не все равно что проектировать, но измученная безуспешными поисками работы молодая и перспективная Рита Рэксон закусил губу, запихала ожидания от жизни примерно туда, где похоронила мечту стать чемпионкой, рассыпавшуюся из-за серьезной травмы коле-

на, и принялась за дело. С присущим ей олимпийским спокойствием и гимнастической упертостью. И элегантностью, которой могла похвастаться только она.

За три года работы Рита выбилась в десятку лучших. Потом – в пятерку. Потом – в тройку. И теперь получила право продать уникальный особняк. И его прелесть не только в размере, редких интерьерах, но и в колоссальной территории в семь гектаров, расположенной в черте города. Да тут одна земля стоила десятки миллионов. Про дом можно молчать.

Но лучше, конечно, о нем говорить.

Рита закурила вторую сигарету подряд и вышла из машины, открыла заднюю дверцу, сняла с вешалки белое пальто, набросила его на плечи, не выпуская сигареты из подведенных красным губ, и огляделась в поисках вдохновения. Красотой в этом районе было пропитано все. От прекрасно сохранившейся с девятнадцатого века брусчатки (говорят, выкладывали вручную немецкие мастера) до старинных уличных фонарей, которые каким-то чудом подключили к электричеству (раньше они были газовыми, а до этого – керосиновыми), и соседей-особняков. В целом в композиции района принимало участие четыре разноплановых дома, которые походили скорее на усадьбы дворян или на небольшие замки. Колонны, мрамор, огромные въездные группы, ландшафтные сады. Вступая на территорию такого имения, ты будто перешагивал временной порог.

Шелест шин оторвал девушку от созерцания нужного до-

ма. Она глянула на часы. Пятнадцать минут опоздания. В каком-то трактате она читала, что это идеальный интервал для дворян. Мол, если пришел вовремя, получил неодобрение двора. А если задержался на пятнадцать минут, тебя за- уважали. Впрочем, если ты пришел на тридцать минут поз- же, двор тебя начнет презирать. Рита выбросила сигарету, потушила ее носком туфли и с улыбкой замерла перед ко- ваными воротами, достав из сумочки полученные лично от шефа ключи. «Самое дорогое, что у меня есть, помимо тебя, конечно», – прокомментировал Мун, вручая их ей сегодня утром.

У нее все-таки был очаровательный начальник.

Черный «Линкольн» (о боги, где они его только взяли) остановился рядом с ее машиной, которой она так гордилась и которая смотрелась гадким утенком на фоне этого красав- ца. Ошпаренный водитель выскочил из автомобиля, открыл дверцу и помог выйти своему господину (по-другому и не скажешь). Господин подал руку тощей блондинке с претен- зией на голубую кровь. По меньшей мере, кожа у нее была точно голубоватая. Бледная как смерть, если говорить про- стым человеческим языком.

Улыбка Риты сохранила свою псевдоискренность и широту, когда она пожала руку сначала женщине, потом мужчине.

– Миссис и мистер Арнольд, рада вас видеть. Ритолина Рэксон, ваш риелтор. Господин Мун передает нижайший по- клон и выражает надежду, что этот особняк вам понравится

так же, как «Рождение луны», которую вы приобрели в прошлом месяце.

– Если дом вполнину так хорош, как полотна господина Муна, думаю, он нам понравится, – учтиво отозвался мистер Арнольд. Темно-зеленые глаза мужчины изучающе скользнули по Рите, но она уже вошла в роль успешной женщины, которая заключит сделку века, разрушив миф, что не бывает стопроцентного результата. Бывает, если ты к нему стремишься, работаешь на него и делаешь все, чтобы ни один конкурент не смог тебя обойти или даже приблизиться к твоим показателям.

Главное, по дороге не лишит себя коленки.

От этой мысли стало смешно, и Рита позволила своей улыбке потеплеть.

– Легенда гласит, что с этого дома начался сам Треверберг.

– О, это особняк Основателя? – пару раз хлопнув ресницами, поинтересовалась блондинка.

Почему у богатых мужей всегда тупоголовые блондинки в парах? Они их выбирают по уровню теста на IQ? Чем меньше, тем лучше?

– Нет, миссис Арнольд, в особняке Основателя находится исторический музей. Говорят, этот дом появился до того, как в Треверберг пришел Уильям Тревер.

– То есть Основатель – не совсем Основатель?..

Мистер Арнольд мягко потрепал жену по руке. И откуда

в нем столько терпения?!

– Дорогая, эти вопросы мы можем уточнить в другом месте. Прошу вас, мисс Рэксон... – И как он безошибочно определил, что она мисс, а не миссис? – Расскажите об этом месте. Но начните с главного: вы сами хотели бы здесь жить?

Рита открыла ворота, развернулась на каблуках, прекрасно зная, что солнце выгодно высвечивает ее белое пальто на фоне зеленой с вкраплениями золотого и красного листвы сада.

– Это место – воплощение моих самых смелых желаний, – хорошо поставленным голосом начала она отрепетированную речь. – Я архитектор, мистер Арнольд. Знаю толк в красоте и умею ее ценить и за ней ухаживать. Этот дом требует профессионального подхода. Почти четыре тысячи квадратных метров жилой площади. Семь гектаров сада. Он требует профессионализма, души и денег. Я могу дать первые два пункта. Но для третьего пока рановато.

Покупатель благосклонно кивнул. Вся троица прошла в сад. Рита заняла заранее выбранную точку и королевским жестом указала на дом с восемью колоннами из карельского розового мрамора, который необычайно смотрелся при таком освещении. Зеленое и золотое выгодно оттеняли его стены, лепнину и украшения. Фигуры греческих богов, обрамляющие крышу, казались живыми. В лучших традициях восемнадцатого века. Видимо, его строили те, кто хотел отдать дань великолепию просвещенного абсолютизма. От особня-

ка буквально веяло монументальностью, которую растеряли в современности. Когда если зал – то на пятьсот квадратов. Если спальня – то на двести. Высоченные потолки по пять-семь метров. Несколько входов в дом, балюстрады, балкончики, украшения и тщательно продуманное пространство, по которому нужно разводить сотни гостей.

Рита бывала в этом особняке лишь однажды и будто перенеслась в царский дворец. Впечатления неизгладимые. Чувствуя, как поднялась внутри волна предвкушения, она поймала взгляд будущего покупателя и улыбнулась так, что тот замер.

– По документам особняк построен в начале девятнадцатого века. Но вы можете видеть характерные элементы архитектуры Российской империи времен Екатерины Великой... – Рита выдавала отрепетированный до автоматизма и при этом глубоко прожитый и принятый текст, водила гостей по ландшафтному саду, который «точная копия знаменитого екатерининского дворца в Царском Селе» (что, конечно же, правдой не являлось), показывала расставленные по зелено-золотому пространству белые статуи, изображавшие греческих богов, и постепенно приближалась к главному входу в дом, куда вела прекрасная витая лестница. Рита взлетела по мраморным ступенькам и остановилась у высоченных, метра три с половиной, дверей, покрытых позолотой и изящной резьбой.

– Вы готовы увидеть красоту?

Блондинка спешно закивала, ее муж лишь опустил голову, на мгновение прервав зрительный контакт с риелтором, но Рэксон чувствовала себя победительницей. Вот этот пьянящий кайф, без которого невозможно быть успешным в продажах.

Она толкнула дверь, глядя клиентам в глаза. Она знала, что они там увидят, и, заметив, как вытянулись их лица, упивалась моментом. Великолепное фойе, перетекающее в гостиную, пространство на пятьсот квадратов с пятиметровым потолком, двойной свет вписался идеально, многочисленные окна и хрусталь люстр делают пространство не просто красивым – они придают ему оттенок совершенства. Рита не оборачивалась, внимательно глядя за клиентами. Но шок на их лицах постепенно сменился ужасом. Блондинка пронзительно завопила, прикрыв рот узкой ладошкой, а мужчина невольно сделал шаг назад, покачнувшись.

Риелтор медленно обернулась.

Посреди залы прямо на редчайшем персидском ковре стояло огромное кострище. На столбе повис обугленный труп. Перед ним, справа, на коленях стоял мужчина. Он опустил голову и, кажется, молился. Рита заметила сутану. Священник?

Дрожащей рукой она достала из сумки телефон.

2. Аксель

03 октября 1999 года

Старый Треверберг

Тридцать минут спустя

Детектив Аксель Грин поставил свой мотоцикл в паре шагов от резных ворот, за которыми виднелся вычурный старомодный особняк, созданный для бездельников и интриганов. Ну или для того, чтобы на его территории открыли музей. Звонок в участок поступил двадцать пять минут назад. Криминалисты уже выехали, но молодой детектив, верный привычке, прибыл раньше. Нет ничего ценнее, чем посмотреть на место преступления до того, как по нему разложат деревянные мостки, у улики появятся бумажки с цифрами, а пространство займут люди-муравьи, чья методичная работа сотрет все возможные впечатления. Аксель служил в полиции шесть лет и постепенно приучил всех и каждого к тому, что если уж берется за осмотр места преступления, то должен получить доступ до того, как толпа криминалистов украсит его на свой лад.

Детектив повесил шлем на руль мотоцикла, вытащил из кофра скотч и перчатки, закрыл его и огляделся в поисках свидетелей. Справа от него стояли две машины: новенький вишневый «Вольво» и черный «Линкольн», который выгля-

дел так, как будто его перенесли из другого мира. Ну, по меньшей мере, из другой страны. Придется показать значок. Аксель провел ладонью по длинным светлым волосам, улыбнулся сам себе, проверил, на месте ли документы, и направился к автомобилям. Из них выскочили две женщины и мужчина. Блондинка, элегантная и тонкая с бледным болезненным лицом, явно представительница умирающей аристократической элиты (ее ожерелье стоило дороже, чем его мотоцикл и квартира вместе взятые), при виде молодого статного детектива опустила глаза. Мужчина с неким запозданием подал руку, которую Грин незамедлительно пожал.

– Детектив Аксель Грин, отдел по особо тяжким делам, управление полицией Треверберга, – представился он, протягивая мужчине документы, которые тот изучил с максимальным вниманием. – Миссис и мистер Арнольд, я полагаю? А вы, – он обратился ко второй женщине, которая вылезла из «Вольво», – мисс Ритолина Рэксон, риелтор из «Мун Девелопмент»?

– Да, детектив, – отозвалась та. Ее бледное лицо на фоне аристократки казалось даже излишне загорелым.

– Расскажите, как вы обнаружили тела, – попросил он, поглядывая в дом.

Деревья и скульптуры закрывали внутреннее убранство. Со своей точки он видел только то, что дверь открыта, а на перилах лестницы висит белое пальто.

– Мы приехали на осмотр дома, – начал Арнольд, взяв

на себя нелегкую долю. Женщины синхронно посмотрели на свои ноги. Ритолина села в машину, оставив дверь открытой. Видимо, силы ее оставили. Грин сосредоточился на спикере. – Мисс Рэксон показала нам сад. Все было чудесно. Потом она открыла дверь в дом. А там... это.

– «Это» – что?

– Они, – прошептала миссис Арнольд. – Труп на кострище. Как будто ведьму сожгли. И священник перед ней. На коленях.

– Священник жив?

– Мы не заходили внутрь, детектив, – дрожащим голосом продолжила блондинка, хватаясь за мужа.

Аксель сдержанно кивнул. Заходили они в дом или нет, покажет криминалистическая экспертиза.

– Вы осматривали дом перед продажей? – обратился он к Рите.

Та подскочила на месте, чуть не ударившись головой.

– Сегодня нет, детектив. Это уникальный особняк, фирма не дает от него ключи просто так.

– Когда вы были в доме в последний раз?

– Дней... дней пять назад, – пробормотала Ритолина.

– Вы сможете это подтвердить?

– Да. – Взгляд женщины прояснился. – Да. Фирма ведет учет выдачи ключей от редких объектов.

Аксель записал в блокнот: «Проверить документацию Мун Д.».

– Сейчас приедут криминалисты, – обратился он ко всем сразу. – Пожалуйста, оставьте им свои контакты, подпишите соглашение о неразглашении, потом можете ехать домой.

Все трое кивнули, не найдя в себе сил спорить с детективом, и тот, удовлетворенно их оглядев, развернулся в сторону дома. Сожженный труп и священник на коленях. Ужасно. Ужасно интересно.

Аксель вытащил из нагрудного кармана резинку для волос, собрал их в хвост, коротко и мощно выдохнул, разгоняя кровь, и пружинящим шагом направился в сторону особняка, почти физически чувствуя, как его спину буравят три испуганных взгляда.

Да, смерть – это не то, к чему может привыкнуть каждый. А необычная смерть – тем более. Аксель Грин в свои тридцать один о смерти знал, кажется, все. Шесть лет в армии – не шутка. Засекреченное досье исключило возможность общения на эти темы, оставив только одну лазейку: военного психоаналитика, к которому Грин честно отходил почти год. А потом переключился на работу. Он быстро построил карьеру, быстро оказался в «особо тяжких», быстро начал вести дела самостоятельно и раскрывать их даже тогда, когда остальные пасовали. Грин любил свою работу.

Он пролетел сад, отмечая, что фактически тот представлял собой лабиринт. Конечно, с низкими посадками, здесь не заблудиться, но все же. А еще он увидел как минимум две или три двери в резном заборе. Все тропинки были под-

метены. Нужно узнать, кто следит за особняком, поддерживает его в достаточном для продажи состоянии. К дому можно было пройти десятком различных способов, и Грин выбрал самый длинный маршрут: отчасти настраиваясь на то, что предстоит увидеть, отчасти – для того, чтобы бегло осмотреть территорию. Судя по всему, она была огромна. Чем больше места, тем больше вариантов проникновения. Как просто в маленьких коттеджных поселках: они почти мгновенно устанавливали, как преступник оказывался в доме жертвы. С этим делом все будет иначе.

Остановившись у лестницы, Грин обернулся. Вдалеке слышались сирены. Даже дежурные приехали позже, чем он. Конечно, младший состав. Понабрали из академии и выпустили. Аксель должен был приехать как минимум к полицейскому ограждению, а вместо этого обнаружил троих свидетелей в гордом одиночестве. Аксель обмотал ботинки скотчем, надел перчатки, чуть поморщившись – в латексе тонкие пальцы быстро мерзли. Но уже через мгновение мысли о холоде полностью испарились из его головы, уступив место особенному состоянию, которое он так любил.

Грин неторопливо поднялся по лестнице, машинально пересчитав ступени (тридцать семь), и остановился у распахнутых дверей. Открывшееся было сложно с чем-то перепутать. Традиционный средневековый костер для сожжения ведьм. Ровно такой же, каким его изображают в фильмах, на граюрах и картинах. Эксперт-пиротехник предоставит инфор-

мацию о том, что горело и как. Сейчас нельзя было определить изначальный вид, но почему-то Грин не сомневался, что и здесь все окажется будто по учебнику: круглые и длинные поленья в основании кострища, выше бревна покорооче, потом – хворост. Кострище не такое высокое, приподнято сантиметров на тридцать. Но его надо было собрать! И столб поставить. Синие глаза детектива скользнули по высокому столбу (метра два), к которому было привязано тело. Как он крепится? Ответ появился, стоило аккуратно обойти помещение с противоположной стороны от замершего в молитвенной позе «священника», на которого Аксель пока не обращал внимания, впитывая детали главного объекта этой «картины». Столб стоял на металлической подставке, судя по всему, собранной тут же. А сзади были натянуты два троаса. Как рождественская елка.

Грин перевел взгляд на «священника». Перед ним находился деревянный ящик. Обычный, квадратный, сколоченный грубо. Ряса типичная католическая, но нет белой колоратки, которая валялась тут же. На ящике. Аккурат рядом со связанными руками без запястий.

Без запястий.

Грин, аккуратно ступая, приблизился к «священнику». У мужчины действительно были отрублены запястья. Аксель наклонился. Мертвое лицо опущено, смотрело на отсутствующие руки. Глаза выколоты. Но кожа чистая, будто ее помыли. Действительно помыли?

Рук, глаз нет. Что еще мог отнять у жертвы убийца? И почему мужчина сидит так, будто сожалеет о сожженном человеке? Грин был готов поставить месячный оклад на то, что на кострище – женщина. Или он сожалеет о чем-то другом? Или его заставляют пожалеть? Черт, нужны криминалисты. Детектив был уверен, что его беглый осмотр не выявил и трех сюрпризов.

Он оглянулся на кострище. Труп был привязан огнеупорными веревками за руки, ноги и талию. Привязан достаточно крепко, чтобы не упасть. Хотя вся фигура несколько завалилась. Он не прогорел до костей, даже ткань кое-где сохранилась. Пламя – показуха? Что хотел сказать преступник? Темно-синие глаза скользнули по мертвому телу, примечая детали. Он не любил дела с огнем, потому что огонь стирал улики лучше химикатов. Он видел перед собой просто обглоданную пламенем тушу, а не человека, который когда-то смеялся, плакал, жил. Было сложно представить жертву, проникнуть в ее состояние, чтобы приблизиться к убийце. Почему он выбрал ее? Кого он посадил оплакивать ее? При чем вообще тут тема инквизиции?

– Как всегда раньше всех. Слава богу, хоть скотч не забыл. Привет, детектив.

Аксель глянул через плечо на коллегу-криминалиста. Среднего роста, почти на голову ниже Грина, поджарый, с живыми черными глазами. Артур Тресс, один из заместителей руководителя криминалистической службы. Видимо,

шеф поднял в управлении переполох и отправил на место избранных – тех, в ком был уверен. Пока вездесущая пресса не растащила детали находки по всем передовицам и каналам и не довела бедных свидетелей до ручки бесчисленными интервью.

Надо было их предупредить о рисках. Высокие лорды как-нибудь справятся, а вот за душевное равновесие девушки-риелтора Грин бы не поручился.

– Привет, Артур, – вежливо отозвался детектив, возвращаясь к созерцанию сожженного, вернее, обожженного тела.

– Даже не наследил, – пробурчал Артур. – Что тут у нас?

– Нужно, чтобы приехал судмедэксперт.

Тресс посмотрел на коллегу удивленно.

– Наши редко выезжают на место преступления, зачем им это? Мы аккуратненько все отфотографируем, проверим, а они в своих подвалах уже выяснят, от чего умерли жертвы.

Аксель задумчиво прикоснулся к подбородку и тут же отдернул руку – латекс перчатки был ледяным. Странно, он даже не почувствовал, что пальцы замерзли.

– Мне кажется, медику стоит посмотреть на это в неприкосновенном виде, потому как, пока мы снимем тело, точно что-то сломаем. Да и с ее дружкой лучше поаккуратнее. Он, конечно, сидит. Но вот, например, я не нашел запястья. Может, с этого, – он кивнул на кострище, – тоже что-то срезали. А деформация при транспортировке это скроет.

– Убедил, – сдался Тресс. – Кто у нас там дежурный? О

боги, почему у нас такая толпа судмедэкспертов?

– Позови Джейн, она сможет разобраться, что к чему.

– Нашел тоже мне эксперта. Признайся, что до сих пор неровно к ней дышишь.

Аксель фыркнул. То, что было между ним и Джейн Абигейл лет пять назад, осталось в прошлом. Да и последний год или полтора он был безнадежно связан с другой женщиной.

– Звони, – сказал детектив.

Подозрительно прямой столб. На первый взгляд – чистое дерево. Только непонятно какое. По логике вещей ель или сосна, здесь этого добра навалом. Но ствол толстый, сантиметров двадцать – двадцать пять в диаметре. Впрочем, что такое двадцать пять сантиметров диаметра для тридцатилетней, например, сосны. И вырезать два метра не проблема. Убийца связан с деревом? Или... Аксель присмотрелся. Или это заготовка. Брус, из которого собирают дрова. Только не сухой, а пропитанный огнеупорным составом.

Он сделал соответствующую пометку в блокноте. Проверить, где купили брус. Проверить, где купили веревки. Вроде и то и другое товар распространенный, но, может, химики смогут обнаружить что-нибудь эдакое.

Грин обернулся на «священника». И тут надо все осмотреть, пронумеровать и изучить. Почему, например, белый воротничок, колоратка, лежит на столешнице? Символ падения? Этот «священник» не достоин своего сана? Он брал то, что не должен был, о чем теперь будет вечно сожалеть?

Смотрел на то, на что не имел права смотреть? Что еще ему отрезали, как еще наказали?

– Абигейл приедет через тридцать минут. Я могу запустить своих?

Аксель посмотрел на Тресса.

– Запускай. Я закончил.

Он вышел из дома, не оглядываясь, чтобы не смазать полученные впечатления. Да, здесь определенно было над чем подумать. Аксель пошел по территории сада, кутаясь в холодную кожаную куртку. Жаль, нет снега. И утром прошел дождь. Но, может, все-таки здесь остались следы? К сожалению, их оказалось слишком много. В дальнем конце сада Грин обнаружил, что один из прутьев в заборе просто выломали. И судя по тому, что оттуда уже протоптали начисто лишённую травы тропинку, случилось это давно. Кто-то бежал на территорию усадьбы как к себе домой. Нужно посмотреть, могли ли они проникнуть в дом. Конечно, криминалисты тут застряли на несколько дней, а может даже недель. Такую махину осмотреть и проверить – такая себе задачка.

Как будто кто-то намеренно создает команде проблемы. Место выбрано не случайно. И почему-то Аксель не хотел верить в то, что дело в визуальной эстетике. Образы жертв, несомненно, подходили архитектуре. Тут что-то еще. Возможно, ситуация прояснится, когда трупы опознают.

Сумасшедшая задачка. Один без глаз и без рук. Второй – практически без всего. Спасет только анализ ДНК, и то если

кто-то из них проходит по базе. Черт побери. Аксель достал сигареты и закурил. Темно-синие глаза блеснули недобрым огнем. Он стянул с волос резинку и, откинув голову, посмотрел в мглистое небо.

Новое дело и новая загадка.

Когда он вышел за ворота, свидетелей на месте уже не оказалось, зато полицейских было в избытке. Приехали, кажется, все. За ограждением уже появились первые репортеры. Грин нахмурился. Он снял шлем с руля мотоцикла, но надеть его не успел.

– Детектив Грин! – покричал пронзительный голос. Аксель обернулся и увидел криминального корреспондента Ангелу Сарс, которая вела свою колонку в «Треверберг таймс» и периодически доставляла полицейским определенного рода хлопоты. Ангела буквально висела на ограждении и махала Грину рукой. Путь ей преградил молоденький полицейский. – Что там произошло? Можете дать комментарий?

– Ангела, ты прекрасно знаешь, комментариев я не даю, – улыбнулся Грин. – Поищи себе другую жертву.

– Но все молчат! Ты хороший детектив, я отличный репортер. Давай поможем друг другу.

– Если мне понадобится помощь СМИ, поверь, я придумаю, как расплатиться. – Аксель подошел к ограждению и жестом отпустил полицейского. Журналистка смотрела ему в глаза. Ее смуглое лицо освещала улыбка, в которой причудливо смешались страх и предвкушение.

– От тебя не дожدهшься, – ответила она. – Короткое интервью. Пожалуйста.

– Нет.

Аксель отвернулся, надел шлем, дошел до мотоцикла. К счастью, больше никто его останавливать не стал. Теперь нужно ждать, пока коллеги закончат свою работу. Ему нужен Карлин. Скорее всего, Старсгард ему уже сообщил. Нужно возвращаться в участок.

3. Марк

03 октября 1999 года

Новый Треверберг

Управление полицией

Отдел по борьбе с особо тяжкими преступлениями

Поздний вечер

Доктор Марк Карлин смотрел на Аксея Грина, измерявшего кабинет нервными шагами. И откуда только силы берутся после многочасового осмотра места преступления? Марк работал с Грином давно и знал, что задавать вопросы и подгонять в такие моменты бессмысленно. Нужно просто подождать, пока тот начнет говорить сам. Ходьба помогала детективу сосредоточиться, с этим приходилось считаться, несмотря на раздражение. Концентрации способствовала и очищенная после прошлого дела огромная белая стена, на которой в скором времени члены команды и сам Аксель развешат фотографии, карты, оставят записки с важными примечаниями. И расследование войдет в колею, чтобы привести к неминуемому результату: раскрытию дела.

Он глянул на часы. Опять опоздал к ужину. Будет напряжение с Улли, которая упухивалась с младенцем и требовала от мужа больше внимания, чем тот мог дать. В этом браке что-то было не так. Карлин думал, что рождение ребенка

что-то изменит, но, кажется, становилось хуже. Или просто у жены послеродовая депрессия, а он слишком мало времени проводит дома, чтобы сказать наверняка. Марк отогнал от себя невеселые мысли и снова посмотрел на Аксея, который замер в напряженной позе около приоткрытого окна.

– Почему фотографы так долго проявляют свои чертовы снимки? – спросил детектив скорее у воздуха, чем у профайлера. – Можно же отдавать пленку на проявку по мере заполнения. Отщелкал – отдал. Мы не знаем ничего, черт возьми. А они медлят.

– Расскажи, что увидел ты.

– А что тебе сказал Старсгард? – вернул вопрос Грин, доставая сигареты. – Он хоть что-то тебе рассказал?

– Предположительно ритуальное убийство в лучших традициях инквизиции.

Грин криво улыбнулся. Но Марк удовлетворенно кинул – детектив постепенно втягивался в диалог и раскрывался. Каждый раз было интересно наблюдать за тем, как он выныривает из внутренней бездны, в которую погружался, расследуя дело.

– Не уверен, что это так, – проговорил Аксель, щелкая зажигалкой. – Слишком много чувств. Разных чувств. Как будто действовали два человека.

– Эй, это моя работа, Грин, – рассмеялся Марк.

Аксель улыбнулся, на этот раз без ухмылки. В его глазах наконец отразилось подобие человеческих эмоций. Детектив

сел за стол, откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

– Не сходится, – сообщил он Марку. – И жаль, что тебя не было на месте преступления, тебе было бы легче понять, о чем я говорю.

– Я туда схожу обязательно.

– Две жертвы. Убиты разными способами. Вместе они составили законченную картину. Жертва на костре и священник без рук и глаз в позе полного раскаяния. Слово открытка из средневекового религиозного трактата. В этом есть определенная красота. Особняк начала девятнадцатого века, весь в мраморе и золоте, витые лестницы, ковры. Высоченные потолки. Кстати, потолок подкоптился, я заметил, значит, жгли прямо в доме... Я отвлекся. – Аксель затянулся. – Священник и его жертва. Или случайная жертва и священник, который ее оплакивает.

– И почему тут нет ритуального подтекста? Не удивлюсь, если сожженный труп окажется проституткой, а мужчина – действительно священником. Только шаловливым.

Грин качнул головой, не глядя на Карлина.

– Не уверен, – сказал он.

– Нужно собрать команду, – проговорил Карлин. – А пока просто опиши мне, что ты почувствовал и увидел, когда оказался на месте преступления.

Грин надолго замолчал. Марк видел, как ходят желваки по скулам, как неподвижен его взгляд. Над детективом витало

облако дыма, а сам он превратился в статую, изредка взъерошивая светлые волосы. Размышляя, он провалился настолько глубоко в себя, что, казалось, полностью потерял связь с реальностью. Карлину нравилось работать с молодым детективом. Грин был талантлив и трудолюбив, тонко чувствовал границы и уважал чужой профессионализм, одновременно не позволяя сомневаться в своем. В нем таилось что-то глубоко трагичное и холодное, не допускавшее личного сближения; хотя Карлин и начал считать его другом, в работе Аксель оказался бесподобен.

Карлин, посвятивший психологическим портретам серийных убийц всю свою сознательную жизнь, несколько раз проходивший обучение в ФБР, постепенно развивал это направление в Треверберге, огромном европейском мегаполисе, маньяков в котором было на порядок больше, чем в любой другой точке мира. Так уж повелось. Город контрастов, возможностей и сумасшествия.

– Да, скорее всего, на столбе женщина, – негромко начал Аксель. – Кого жгли? Ведьм. Эта женщина – ведьма? Тогда твое предположение о шлюхе вполне резонно, их часто ошибочно отдавали инквизиторам. И если бы она была одна, задачка бы решилась. Но их двое. Почему женщина и священник? Это какая-то насмешка?.. Нет. Он не насмехался. Он хотел что-то показать, продемонстрировать. Зачем отрубать руки? Зачем выкалывать глаза?

– Нам нужно дождаться результатов вскрытия и первого

отчета криминалистов.

– У меня такое чувство, – неожиданно посмотрев Карлину в глаза, проговорил Грин, – что, во-первых, это не последнее убийство. Во-вторых, у нас мало времени на разгадку.

– У нас всегда мало времени, и всегда на кону чьи-то жизни. Для начала нужно определить, кто жертвы.

Грин потушил недокуренную сигарету в пепельнице, устало потер переносицу и, выпрямившись, опустил руки на стол.

– Нет, – сказал он. – Мы в состоянии нащупать нить сейчас. Закрой глаза и представь кострище, на столбе – судя по всему, обычный круглый брус, из которых строят дома, пропитанный огнеупорным составом, – висит тело, привязанное веревками. Оно не сгорело полностью, Марк. Повреждения от огня поверхностные. Я думаю, что пламя использовали не как средство убийства, а как инструмент для создания нужной картинки.

– Во времена инквизиции еретиков сжигали, очищая их души в священном пламени.

Синие глаза Акселя блеснули.

– Очищение. Эта мысль мне нравится. Раскаяние и очищение. Вот что меня смутило. Убийца действовал по отношению к разным жертвам с разными чувствами.

– Ты уже отказываешься от мысли, что их двое?

– Я ни от какой мысли пока не отказываюсь. Но если мы заговорили о раскаянии и очищении, картинка начинает

проявляться. Убийца может быть один. Но мотивы – разные.

– Дождемся отчета криминалистов?

Грин поднял трубку стационарного телефона и набрал внутренний номер.

– Джейн, – сказал он. – Ты осмотрела тела? Привезла их? –

Короткий кивок. – Ты начинаешь вскрытие? Ты не против компании? Двое. Я и Карлин. Ага. Спасибо, ты лучше всех. Кофе захватить?

– Как будто и не было разлук, – проворчал Марк, поднимаясь. – Я ненавижу вскрытия!

Аксель, вскочивший с места, широко улыбнулся.

– Пошли скорее. Надо еще купить ей кофе. Двойное молоко без сахара и печенюшку.

– А вы точно расстались?

– Тссс, никаких предположений, и у стен могут быть уши.

Аксель схватил свою куртку и вышел из кабинета. Марку оставалось только следовать за ним. Карлина редко приглашали на вскрытия, но сейчас Грин был прав в одном: осмотр тел критичен при составлении профиля убийцы.

Несколько минут спустя

Судебно-медицинская лаборатория

Центральное управление полицией Треверберга

Лаборатория, как водится, находилась в просторном холодном помещении. Здесь было столько света и стали, что

Карлин заморгал с непривычки. Джейн Абигейл при виде полицейских улыбнулась и водрузила на лицо маску.

– Успели, – сообщила она. – Тебя-то я знаю, а вы, доктор Карлин, как относитесь к трупам?

– Он справится, – вмешался Грин, не позволив Марку ответить. – С кого решила начать?

– С мужчины. Это попроще.

На двух столах перед Джейн лежали тела, укрытые белыми простынями. Простой знак уважения. Вопрос только, уважения к мертвым или живым. При любом раскладе профайлер был благодарен судмедэксперту. Подобные виды надо выдавать порционно. Он надеялся, что организм не подведет и краснеть и бледнеть перед возбужденным Грином и врачом ему не придется.

– Аксель, – позвала доктор Абигейл детектива. – Что ты видишь?

Грин приблизился к столу, который находился правее, и наклонился над головой трупа, когда Джейн сбросила с него простыню. Карлин последовал его примеру, сохраняя почтительное расстояние. Все же он редко присутствовал при вскрытиях. Не привык. В животе поднялась неприятная волна, но он усмирил ее чудовищным усилием воли.

– Вслух, пожалуйста, – попросил он. Аксель бросил на него насмешливый взгляд, но сразу же посерьезнел.

– Глаза удалены. Неосторожно, острым предметом, думаю, что это нож. Крови в волосах нет, травмы на черепе не

вижу. Его явно не били.

– Судя по характеру надреза, он еще был жив, когда вырезали глаза, – пришла на помощь Джейн. – Преступник срезал веки и глазные яблоки коротким лезвием, максимум пять сантиметров в длину.

– Это может быть ритуальный кинжал? – подал голос Карлин, искренне радуясь, что стоит в стороне.

– Ритуальный? Их сотни видов, доктор, – удивилась Джейн.

– Как-то связанный с католичеством.

– Я пока не могу сказать. Если на ранах остались микро-частицы стали, попробуем выяснить, чем резали. Насколько мне известно, на месте преступления ничего подходящего не нашли. Значит, убийца забрал инструмент с собой.

– С собой? – включился Аксель, поднимая глаза от обнаженного трупа, прикрытого простыней теперь до пояса. – Это интересно. А кисти этого красавца не нашли?

– По меньшей мере, мне не приносили. Идем дальше, детектив.

Карлин слышал по голосу, что она улыбается.

Аксель переместился вдоль стола, чтобы оказаться напротив Марка и живота убитого.

– На корпусе повреждений нет. По меньшей мере с лицевой стороны. Ни синяков, ни ссадин, ни проколов. Или... Что это? Укол? – Он наклонился над грудиной. – Или нет?

– Смотрите внимательнее, детектив. Укол в шею. Укол в

сердце. Здесь две дырки размером с футбольное поле, а вы сомневаетесь.

Аксель выпрямился.

– И действительно. Доктор Карлин, не хотите ли взглянуть?

Марк протестующе взмахнул рукой и прижал к носу и губам надушенный платочек. Арсенал новичка, как его называли. Запах эвкалипта перебивал ароматы лаборатории и мертвых тел, позволяя сохранить рассудок ясным.

– Посмотрим дальше, – сообщила Джейн и стянула простыню с убитого.

– Твою мать, – выдохнул Грин. – У него не только запястья пропали. Его кастрировали.

– Руки, глаза, член, – подытожил Карлин. – Прелестно.

– Не смотреть, не трогать, не трахать.

– Мальчики, вы это можете обсудить за вином в ближайшем баре.

– А он был жив или мертв, когда это отрезали?

Джейн вскинула голову и посмотрела детективу в глаза.

– Это профессиональный интерес?

– Конечно. Любая деталь – прорва информации о преступнике, – невозмутимо отреагировал детектив.

– Напишу в отчете. Равно как и все остальное, что вам так надо. Мужчина, лет сорока – сорока пяти, метр восемьдесят три, девяносто килограмм. Ну и так далее. Осмотрим девушку?

– Девушку? – подал голос Карлин и невольно приблизился ко второму столу, стараясь не глядеть на кровавую пустоту в паху мужчины.

Доктор Абигейл набросила на труп простыню, толкнула подвешенную на специальные крепления на потолке лампу, и она переехала, замерев над вторым трупом. Сняла полотно.

– Это совершенно точно девушка. Во-первых, сохранились остатки груди. Во-вторых, частично сохранились гениталии. Да и фигура женская. Итак, девушка. До двадцати лет. Полностью обожжена.

– Она была жива? – тихо спросил Марк.

Судмедэксперт покачала головой.

– Нет, вряд ли. В случае с огнем сделать нормальные анализы сложно, огонь меняет химию, но я попробую вытащить максимум что смогу. Ну и мы не можем осмотреть кожные покровы. Я разберусь с этим всем без вас. Пока что утверждаю, что в веревках она не билась. И горела недолго. Посмотрите на запястья.

Карлин присмотрелся и удивленно замер. Там, где запястья, щиколотки и талия были перевязаны веревкой, огонь частично сохранил кожу. Будто оставил прощальные светлые браслеты.

– Моя гипотеза верна, – очнулся Аксель. – Ее чем-то облили. И горела она ровно столько, сколько понадобилось горючему. Умирала она не от огня. Уверен в этом.

– Ну я либо подтверждаю, либо опровергну твою гипотезу

по поводу причины смерти. Судя по повреждениям, горела она минут десять.

– Ты отдашь веревки на экспертизу?

– Уже. Теперь идите, этого вам хватит для старта размышлений, вскрытие я проведу без вас. Не хватало мне еще двух хватающихся за сердце при виде чужих органов мужиков.

4. Альберт. 1978

Треверберг

1978 год, осень

Маленький мальчик шести лет стоял около огромной блестящей карусели, одной ручонкой держась за юбку матери, а другой – за замерзшие пальцы старшей сестры. В городе открылся парк развлечений. Он просил несколько месяцев, чтобы его отвели сюда – только посмотреть одним глазком на то, как другие дети катаются, отдыхают и смеются, чтобы проникнуться этой атмосферой и на мгновение почувствовать, что он – один из них. Такой же счастливый ребенок, который может кататься каждый день, и никто не будет ему говорить о том, что на глупые развлечения нет денег.

Каждый раз, когда он заговаривал о парке, мама мрачнела, в ее красивых глазах появлялись слезы. Но она брала себя в руки, каменела и говорила:

– Альберт, ты уже большой для таких вещей.

И Альберт выпрямлялся, даже пытался выровнять худенькие плечи, чтобы казаться больше.

– Если бы у тебя был папа, – продолжала мама, – он бы водил тебя в парк аттракционов каждые выходные!

– Я должен его найти, – серьезно отвечал мальчик.

Мама плакала или смеялась, и они забывали про этот раз-

говор. Сестра, тихо улыбаясь, поднимая голову от какого-нибудь рукоделия. Она штопала одежду, склеивала расколотые миски и чашки, убиралась дома. А еще иногда они убирались в других домах. Альберт был страшно горд, когда мама и сестра начали его брать с собой. Они отдраивали большие каменные дома, а он приносил им нужные средства, как мог таскал ведра с водой. Помогал. И за это мама с сестрой делились с ним медными монетками. Пока их не набралось целых сто! Он умел считать до ста. У него было сто монеток. А сегодня утром мама проснулась в хорошем настроении. Она даже нанесла на лицо краску, которая мгновенно сделала ее похожей на одну из этих женщин, фотографии которых он видел, гуляя по городу; достала из шкафа платье, которое он у нее никогда не видел, и с улыбкой сообщила, что у нее для него сюрприз. Сестра тоже улыбалась.

– С днем рождения, – говорит, – мы с мамой решили, что в такой важный день можем взять несколько часов и устроить себе выходной. Мы весь день будем вместе!

– А что мы будем делать? – спросил мальчишка, сбрасывая с себя порванное в трех местах и уже бесчисленное количество раз заштопанное одеяло.

Его грудь распирало от удовольствия и предвкушения, радость блестела слезами в пронзительных глазах, смотревших серьезно, слишком серьезно для такого возраста. Все его внимание принадлежало сестре, а она улыбалась так легко и так счастливо, как не улыбалась никогда. Мама стояла

за ее спиной, ослепительно красивая. Он встал на постели, чтобы оказаться одного роста с ними и посмотреть в глаза. Почти получилось.

– Мы пойдем в парк! – одновременно сказали мама и сестра. И мама продолжила своим печальным глубоким голосом: – Ты работал и заработал денег. А мы с Лили решили немного добавить, чтобы ты мог прокатиться не на одном аттракционе, а на целых трех! А еще мы купим чай и булочки и устроим себе настоящий пир!

При слове «булочки» у мальчишки забурчало в животе. Он рассмеялся и положил ладошки туда, где ныл пустой желудок.

– С вареньем? С творогом? Или, может быть, даже с мясом? – спросил он сквозь смех и слезы, выступившие на глазах.

– А может даже и с мясом, – ответила мама.

В ее глазах, таких же серьезных, как у него, тоже блеснула влага. Она поправила темные кудри.

– Одевайся. Лили поможет вымыться – и пойдем. У нас есть целых четыре часа. Это целая вечность, не правда ли?

Мальчик кивнул и спрыгнул с кровати на холодный пол, не чувствуя привычно шершавых досок. Сбудется его мечта. Вот правда, самая настоящая мечта, которая прямо сейчас сбудется! А он загадывал желание на день рождения. Очень хотел. И все получилось! Он сбросил одежду, ступил в неприглядный таз и почти не вздрогнул, когда Лили при-

коснулась к его тонкому телу влажной тряпкой.

И вот чистый, довольный и румяный от легкого осеннего ветерка, он стоял у входа в парк, держа маму и сестру и чувствуя себя одним из них. Из этих счастливых и благополучных детей, которые могли кататься в парке хоть каждые выходные! Если бы у него был папа, он бы тоже мог. Увы, папы у него не было. Но обязательно будет! Мама сказала, его папа герой, он погиб на войне. Он тоже вырастет и станет героем. Но не погибнет, а придет домой, привезет много-много денег и купит маме и сестре новые платья и три одеяла. Новых. Толстых. Без дырок.

Мальчик зажмурился до боли в глазах. Вздрогнул, когда его потащили вперед. Да. Один шаг, всего один шаг – и шумный мрачный город остался позади. Всего один шаг, и он очутился в волшебном мире каруселек, сладостей, детского и взрослого смеха!

– Куда ты хочешь? – спросила мама, наклонившись к нему.

– Туда, – указал он на карусель с лошадками. Обернулся. – Нет, туда! – Корабли все-таки интереснее лошадок.

– У тебя целых три попытки! – рассмеялась сестра. – Давай обойдем все?

Мальчик радостно закивал и сам уже потащил женщин за собой по широкой дуге, обходя аттракционы. Как можно выбрать три? Их тут тысячи! Тысячи, тысячи, тысячи, – повторял он про себя выученное недавно число. Тысячи! Когда у

него будут тысячи монет, он сможет купить себе новую рубашку. Или даже ботиночки! Но сейчас он хотел кататься. Чтобы огромный корабль принял его в себя, держал его, как своего сына. И катал, катал, катал...

– У нас лучшие аттракционы в городе! Только для вас специальная акция. Один плюс один! Вы оплачиваете один билет, а едете вдвоем. Что скажете, сударь? А вы, милая леди?

Мальчик резко остановился и поднял глаза, с трудом отрываясь от корабля – настоящего, пиратского, с флагом и пушками и двумя сиденьями в середине, чтобы можно было залезть внутрь. Справа у корабля стоял самый настоящий пират! Высокий, плечистый, с огромной шевелюрой почему-то зеленого цвета, закрытым кожаной повязкой глазом и золотым зубом. Мальчик от неожиданности вскрикнул. Лица рассмеялась.

– Вы очень добры, – чужим голосом проговорила мама, делая шаг вперед, к пирату. – А вас не накажут за такую щедрость?

– Нет, – покачал головой мужчина, при этом его зеленые волосы все так же смешно топорщились в разные стороны, как у клоуна. Он посмотрел на мальчика, прямо в душу посмотрел.

– Хочешь стать пиратом? Как я?

Альберт горячо закивал, отпуская руку сестры.

– Я буду учиться! Я буду... юнгой! Мой капитан.

Мужчина раскатисто рассмеялся. Мальчишка смотрел на

него восторженным взглядом, чувствуя, что вот оно. Мама и Лили сделали ему подарок, а он выбрал именно тот аттракцион, где они нашли его! Есть вещи, на которые не хватит монет. Но счастье все-таки можно купить. Альберт с деловым видом достал из кармана маленький потертый кошелечек, куда мама положила вместо монет несколько бумаг, и протянул его пирату.

– Вот, – сказал мальчик. – Мы должны покататься втроем.

Пират выхватил из кошелька одну купюру, осмотрел ее.

– Вот это ваш корабль, юный моряк, – кивнул он на ближайший. – И ваш, – он указал на Лили. – Вы поедете вдвоем. А вы, моя леди, поплывете со мной. На следующем.

– Но вы взяли деньги только за один билет, – все тем же чужим голосом проговорила мама.

Пират снова расхохотался.

– Честная женщина – это так же редко, как хорошая погода в море. Ну что, дети, все хотят кататься?

– Да!

– Тогда отдать швартовы!

Альберт прыгнул на корабль, позволил пирату, от которого пахло чем-то терпким и сладким одновременно, закрепить ремни на поясе. Лили опустилась рядом. Мальчик поднял глаза, заметил, как покраснела ее чудесная бледная кожа, когда мужчина помог и ей.

– Капитан! – позвал мальчишка.

Мужчина, уже отвернувшийся к маме, остановился и по-

смотрел на него своим единственным глазом.

– У меня нет папы, – сообщил Альберт. – Будете моим папой?

5. Аксель

4 октября, раннее утро

Новый Треверберг

– Она меня так напугала, господин Грин, так напугала. Все было хорошо, как обычно. Я вечером убралась, позволила вам, чтобы отчитаться. Уложила ее спать и сама прилегла. Время было позднее, и я осталась. Она тревожилась весь день, звала попеременно то вас, то господина Дерека. Но уснула в итоге. Просыпаюсь от того, что кто-то кричит! Как я испугалась, господин Грин!..

– Кричит? – спокойным голосом спросил Аксель, внутри которого клокотал вулкан бессилия и ярости.

Сиделка средних лет, полноватая, но добрая и расторопная Агнесса Сильваре, которую он подбирал несколько месяцев, лично разговаривая с каждой кандидаткой, ёрзала на стуле, сжав дрожащие руки в кулаки и уперев их в колени. Ее лицо было бледным, а всегда аккуратные расчесанные волосы немного растрепались. Женщина подняла глаза на детектива.

– Кричит. Как зверь кричит. Я такого и не слышала никогда. Вскочила. Побежала к ней в спальню, а она спит. Представляете? Спит, кричит, но спит. Глаза закрыты. Лежит. Бледная, как ваша стена. Ну я и принялась ее будить. Она

меня случайно ударила, не сильно, – тут же добавила она, заметив, как поменялось выражение глаз Акселя. – Просто оттолкнула, я не в обиде. Проснулась только минут через пятнадцать. Плачет. Зовут Дерек – кто этот Дерек вообще? Я, говорю, не Дерек, но люблю вас, миссис Сара, помочь хочу. Смотрит на меня мутным взглядом. А сама губу закусывает. Долго в реальность возвращалась. Когда вернулась, вздрогнула – я прям увидела, господин Грин, как дрожь по всему телу пробежала и у головы замерла. И взгляд ее сразу прояснился. Смотрит на меня и говорит: «Ты, Агнесса, – и голову так поворачивает набок, будто овчарка, присматривается, – хорошая баба. Не повезло тебе со мной. Сделай, – говорит, – мне чаю. Крепкого. Как в моей молодости был. Настоящий. И сахара побольше». Ну я и сделала. Она выпила его, легла обратно. И говорит. «Жить мне в тягость становится. Зовут меня. Домой надо». Вы дома, говорю ей. А она головой качает и в потолок смотрит. Дом там, где муж и сын. А тут ничего. Я ей – у вас есть сын, Аксель, он вас любит и приходит каждый день. Она рукой машет. Аксель, говорит, ничего не успел. Не хочу я с ним. Так и заснула. Вы простите меня, господин Грин.

– За что? – удивился детектив.

– Она хорошая женщина.

– Знаю. Агнесса, успокойся. Ты же не бросишь нас?

Сиделка отчаянно замахала руками.

– Не брошу. Прикипела я. И к ней, и к вам. А как там

миссис Элизабет, не придет?

Он покачал головой.

– Лиз сейчас много работает. Мы поэтому и переехали, чтобы на дорогу меньше времени тратить. Но я вот здесь, – он выдал эту фразу, отметив, что бессознательно подстраивается под ее манеру речи, переставляя слова местами и подчеркивая то, на что обычно не обратил бы внимание. Может, поэтому они с сиделкой и ладили. Она его понимала и старалась угодить. Но не лебезить. И к Саре она действительно привязалась, Аксель чуял ложь. Сильваре не лгала.

Сиделка опустила взгляд на сплетенные пальцы.

– Вот как вы уехали, так и она начала с реальностью связь терять. Все больше в прошлое проваливается. Ведь это прошлое?

Аксель кивнул.

– Дерек – ее муж. И ребенок еще один был. Они не жили.

По ее лицу он понял: хочет спросить, выпытать подробности, но вовремя замолчала. Он благодарно улыбнулся и встал. Возвращаться во мглу ему не хотелось. Не сейчас.

– Завтра переведу на ваш счет оплату, Агнесса. Вы мне очень помогаете.

– Да как тут не помочь. Вы всяких супостатов ловите. Мы у вас в неоплатном долгу. Сколько уже переловили.

Грин не ответил.

В начале октября в Треверберге было прохладненько, но детектив Грин упрямо ездил на мотоцикле. Он и зимой на мотоцикле ездил. Менял резину, экипировку. Пару раз чуть не разбился, но в автомобиль не пересаживался. Неудобно. Пробки лютые, все стоят. А он не мог стоять. От скорости его передвижения часто зависели жизни. Вот и сейчас, поставив мотоцикл, он схватил шлем и буквально вбежал в управление, жалея, что не успеет сходить в спортзал.

Ночь была беспокойной. Он вернулся домой под утро, Лиз проснулась, сначала попыталась устроить скандал, но потом уступила его ласке и в свою очередь лишила его сна практически до будильника. Он поспал минут тридцать, поехал к Саре, женщине, которая когда-то давно его усыновила, подарив призрачную надежду на нормальную жизнь сироте из приюта. А тут такое. Личная трагедия, потеря мужа и сына, сломала ее. С тех пор прошло несколько лет, и она постепенно угасала. Перестала общаться с Акселем, еще какое-то время работала, но потом окончательно сдалась. Государство выделило субсидию, подобие пенсии за выслугу лет в социальном секторе (Сара работала в приюте, где рос Аксель), Грин добавлял часть своей зарплаты детектива. Кое-как жили. Сложнее стало, когда несколько месяцев назад Элизабет, его девушка, настояла на переезде. Но они справлялись. Пока справлялись. Она получила работу в деловом квартале,

раскрылась. Что-то на телевидении. Да и ему оттуда было ближе в управление. На том и порешили.

Администратор-полицейская улыбнулась детективу из-за стеклянной перегородки.

– Что-то припозднился сегодня.

Он глянул на часы. Без пятнадцати восемь утра. Да, обычно он приезжал значительно раньше. И успевал сходить в чертов душ и чертов спортзал. Но не сегодня.

– Будем считать, что проспал, Лив, как дела?

Администратор зарделась. Даже приподнялась с места, чтобы поймать его взгляд.

– Лучше всех. Завтра в отпуск. Скучать без меня будешь.

Кто еще тебе поднимет настроение с утра?

Грин улыбнулся и приложил пропуск к турникету.

– Конечно, буду, – заглянув в ее каморку, сообщил он. – Тем приятнее будет встретиться. Для меня никаких новостей нет?

Лив откинулась на спинку кресла и посмотрела на него снизу вверх.

– Я, конечно, не секретарь. Но доподлинно знаю, что Карлин и Боннар уже в твоём кабинете.

– О, – удивился Аксель. – А эти что там забыли?

– Ну, я так поняла, домой они не уходили.

– О боже. – Детектив прикрыл лоб ладонью с длинными музыкальными пальцами.

– Беги, беги, – поторопила Лив.

Грин кивнул, но направился не к себе в кабинет, а к автомату с кофе. И почему он не купил его по дороге? Тут рядом открылась прекрасная кофейня, кофе из которой был бесподобен. А он опять травит себя бурдой из автомата. Пообещав себе после планерки обязательно сходить за нормальным кофе, он бросил монетки в автомат и посмотрел в окно. Голова постепенно отключалась от личных неурядиц и перестраивалась на рабочий лад. Перед внутренним взором вновь вставало место преступления и весь тот спектр мыслей и чувств, который затопил полицейского во время осмотра и после него. Пронзительно-синие глаза потемнели, взгляд остановился. Детектив сжал зубы, держась левой рукой за кофейный автомат, а правую положив на подоконник. Свинцовые тучи быстро затягивали небо, ветер подбирал и бросал в воздух редкие золотые листья. Весь город еще был зеленый, но желтизна то и дело проглядывала, постепенно распространяясь по листве подобно лесному пожару.

Автомат противно фыркнул и выплюнул стаканчик с кофе. Аксель наклонился, осторожно взял его и пригубил напиток. Не так мерзко, как он ожидал. Видимо, промыли внутренности и заменили зерна. С чего это шеф раскошелился?

В свой кабинет Грин пришел почти в спокойном состоянии. Он балансировал на границе реальности и собственной бездны, в которой уже раскрывался мир вчерашнего убийства, затягивая все глубже и глубже в мрачные тайны мотив-

вов, причин и последствий. Если Карлин специализировался на профиле убийцы, то Грин больше думал о жертвах. По меньшей мере, в этом случае, когда жертвы – взрослые люди, а метод убийства так занимателен. Чрезвычайно остро стоял вопрос о том, кто они. Мужчина и девушка. Сожженная и... А как убит мужчина? Джейн сказала, что пришлет информацию. Прислала ли уже?

Прямо перед дверью кабинета Аксель глянул на часы. Вряд ли эти бездельники что-то успели. Ни от команды Тресса, ни от Джейн он ничего не ждал. Но все равно каждый раз бесился. Он толкнул дверь и увидел занимательную картину. Боннар (руководитель отдела, к которому относилась группа Грина) и Карлин сидели друг напротив друга за столом, где обычно собиралась команда для летучки. Боннар читал газету, Карлин что-то рисовал на белом листке. Оба выглядели так, будто только что вылезли из морга.

– Явился, – пробурчал капитан Боннар, поднимая голову. – Выглядишь хреново.

– Вы не лучше. Что-то случилось?

– Взгляни.

Капитан протянул Акселю утренний выпуск «Треверберг таймс». Тот допил кофе, прицельным броском отправил смятый стаканчик в мусорку и взял газету.

«Средневековые пытки и убийства уже в Треверберге! – гласил заголовок. – И это не анонс кино, а самая настоящая реальность, в которую мы, дорогие читатели, погрузились

против своей воли...»

Под анонсом статьи красовалась огромная фотография особняка с распахнутой дверью. Угол был выбран таким образом, что в темном проеме виднелось кострище, малая его часть. Что за фотоаппарат такой?.. Или кто-то проник сквозь кордон?

– Обычное дело, – пробежав до конца статью, наполненную «водой» под завязку, сказал Грин. – Репортеры делают свое дело, мы – свое. Почему вдруг вас привлекла эта писанина?

– Ну потому, что мало времени прошло, потому что я приказал не допускать журналистов, потому что наш колл-центр обвалился под количеством звонков.

– И что хотят?

– Нам теперь рассказывают о каждом сеансе сатанизма в городе, – устало проговорил Карлин, запуская пальцы в отросшие темные волосы. Карие глаза почти безразлично скользнули по Грину. – А еще про подозрительных священников. Вот не понравилась человеку месса, сказал священник что-то резкое два года назад – и человек нам звонит. Я знаю, говорит, кто вернул инквизицию на территорию Треверберга.

– И сколько таких звонков? – Аксель закрыл дверь и, обойдя кабинет по кругу, сел на свое место.

Капитан Боннар улыбнулся.

– Ну пятнадцать минут назад их было двести тринадцать.

Но день еще не начался. Газета вышла в шесть утра. То есть примерно по два звонка в минуту.

– Боги.

– Ага, – поддакнул Марк.

– Я, конечно, выделил двух девочек на прием звонков, – сказал Боннар. – Дал критерии фильтрации. Но такими темпами к концу дня нам понадобится штат только на это дело. Мэр отдает нам приоритет, кстати. Собираем команду. Ты возглавишь расследование, Грин.

– Это Старсгард сказал? – повел плечами Аксель.

– Да, – кивнул шеф. – Прямой приказ начальника управления. Ты, Карлин. Из криминалистов пока подбираем, поставил задачу Трессу. Стажер нужен?

– Нет, – отрезал Аксель.

– Да, – проговорил Марк.

Они посмотрели друг на друга.

– Тебе нужен стажер... – начал Карлин. – В этом деле будет уйма бумажной работы. Поиск информации, архивы. Нам адски нужен стажер, а лучше два.

– Ненавижу, – обреченно закрылся руками Аксель.

– Значит, два стажера, – резюмировал Боннар. – Позвоню в академию.

– Вы меня достали со своими стажерами! – вскипел Аксель. – Я не хочу тратить время, чтобы учить недоумков. У нас очередной маньяк, времени нет, с чего начать – непонятно. А вы хотите, чтобы я...

– Постой, – мягко прервал Карлин, – я их возьму на себя.

– Ладно, – мгновенно успокоился Грин.

– Сам-то академию закончил когда? – недовольно пробурчал Боннар. – Еще молоко на губах не обсохло, а уже «не хочу работать с молодняком». Грин, побойся бога...

– У меня самый высокий процент раскрываемости в Треверберге за последние сорок лет, капитан, – негромко, но твердо сказал Грин. – Только благодаря тому, что я работаю согласно собственной методике и не трачу время на ерунду. Как, например, этот разговор. Ты сказал, собираем группу. В девять летучка, поторопите Тресса. Стажеров ждем к одиннадцати.

6. Кейра

4 октября, 10.55 утра

Центральное управление полицией

Новый Треверберг

Кейра Коллинс стояла у кабинета детектива Акселя Грина, чьи блестящие и нестандартные расследования они проходили в академии на практических занятиях, нервно дергала заусенец, грозя расковырять палец до крови. И не решалась войти. Больше жизни ей хотелось увидеть знаменитого детектива за работой. И его команду. Поучаствовать в процессе. Она была готова даже носить им кофе, лишь бы получить право присутствовать на брифингах и планерках, но страх сковывал по рукам и ногам, не позволяя пошевелиться. Лучшая в группе, она показывала исключительные способности в части переговоров, допросов и составлении психологического портрета убийцы. Ну, по меньшей мере в рамках образовательной программы. Она была достойна особого шанса, и академия его предоставила. Старший курс, пора и в поле, одной производственной практикой сыт не будешь и способности там не разовьешь, а себя никак не проявишь. Она засиделась за партой и в зале, теперь хотела присмотреться к реальности. Кейра была достойна этого шанса и после разговора с директором академии полетела в управление,

не успев переодеться.

Но как найти в себе силы, чтобы постучать в дверь, открыть ее и сделать этот невозможный первый шаг? Первый шаг в свое профессиональное будущее. Все-таки мечтать об этом и делать наяву – вещи настолько разные, что девушка мгновенно растеряла всю свою студенческую уверенность. А вдруг это не для нее? Вдруг она просто перечитала детективов и триллеров и решила, что хочет стать профайлером, а на самом деле ей надо вернуться на психологический и окончить магистратуру, которую она бросила прямо перед сдачей магистерской научной работы (на тему девиантного поведения серийных убийц, кстати)?

Нет. Она не простит себя, если просто не попробует. Кейра глянула на часы. 10.56. Ее предупредили, Грин ненавидит опоздания. Он может выгнать ее, так и не позволив раскрыться. И тогда что? Психологический? Последние главы магистерской и вечная практика в частном кабинете или в клинике?

Этого она может добиться всегда, у психоанализа нет возрастного порога, до которого можно войти в профессию. Чем ты взрослее, тем лучше.

Девушка нервно провела рукой по густым красно-медным волосам и подняла руку, чтобы постучать.

– Чего стоишь, не пускают? Его святейшество Грин передумал и стажерам тут не место?

Полузнакомый мужской голос заставил ее вздрогнуть и

застыть. Кейра медленно повернула голову. Перед ней стоял молодой привлекательный мужчина чуть выше среднего роста с аккуратным, но простоватым на первый взгляд лицом и внимательными карими глазами, в которых она заметила характерное для криминалистов выражение. Смотрит на тебя как на улику и уже думает, в какой пакетик положить и какую цифру приклеить. Холод, предельная концентрация и мгла. Она развернулась к нему корпусом, не вполне контролируя собственное лицо, на котором, видимо, застыло удивление.

– Не узнала, что ли? – удивился молодой человек. Все-таки знакомый, они пересекались на общих занятиях в академии. Только он после второго курса ушел в криминалистику, а она – в психологию. – Я Тимми. Тим Дженкинс. Ну ты чего?

Милая внешность парня совершенно не сочеталась с выражением глаз, которое не изменилось, даже когда молодой криминалист улыбнулся Кейре, блеснув белоснежными и неожиданно ровными зубами. Он из богатой семьи? Дженкинс – фамилия знакомая. Или просто повезло?

– Идем? – подбодрил ее Тим. – Две минуты неловкого молчания – и ты в лучшей команде этого города, а может, и всей Европы.

– Входите оба, – донеслось из-за двери.

Стажеры переглянулись, синхронно сделали по глубокому вдоху и вошли. Без стука. Кейра внимательно осмотрела кабинет, скорее, по привычке выхватывая всех действующих

лиц и определяя, кто где находится, какую позу занимает и как по отношению друг к другу стоит. У огромной белой стены, на которой уже появились первые фотографии (она потом посмотрит внимательно) с маркером в руках стоял высокий атлетического телосложения мужчина лет тридцати – тридцати пяти. По светлым, непозволительно для полицейского длинным (чуть ниже плеч) волосам и пронзительно-синим глазам она узнала детектива Аксея Грина. Напротив него в мягком кресле, забросив ногу на ногу, с пачкой документов в руках сидел мужчина, который и без того не давал ей спать по ночам, а теперь придется проводить с ним больше времени без барьеров в виде преподавательской трибуны и аудитории. Карие глаза, темные удлиненные (чуть ниже третьего позвонка) волосы, открытое, обманчиво доброе и одновременно строгое лицо. Марк Карлин улыбнулся им, откинувшись на кресле характерным, так знакомым ей жестом.

Кейра покраснела и направила внимание на третьего участника процесса. Невысокий невзрачный мужчина с такими же цепкими глазами, как у Тима. Только если Тим скорее пытался быть криминалистом и соответствовать ожиданиям от профессии, то этот мужчина отработал явно не один год. Он расправил плечи и приветливо протянул руку сначала Тиму, а потом и ей. Его рукопожатие оказалось крепким. И сухим.

– Проходите, – низким приятным голосом проговорил

Карлин. Кейра разозлилась на себя и чудовищным усилием воли заставила посмотреть ему в глаза. Ее личные чувства к преподавателю – полный бред. Надо сосредоточиться на работе. На карьере. На мечте. А не вот это вот все.

– Детектив Грин, это лучшие студенты своих курсов. Кейра Коллинс, будущий профайлер. Тим Дженкинс – криминалист.

– Дженкинс? – удивился Аксель, посмотрев на стажера.

– Да, фирма его отца перестраивала часть управления в прошлом году.

В холодных глазах Грина скользнула эмоция, которую Кейра расшифровать не смогла. Смесь презрения и надменного удовлетворения. И еще что-то. Надежда? На что? На то, что Тим здесь не только из-за отцовского протектората? То есть он готов дать шанс. Значит, с ним можно договориться.

– Садитесь, – сказал детектив. Голос у него был почти таким же приятным, как у Карлина. Мягким (конечно же, обманчиво) и звучным. Только вот от ощущения, что от каждого произносимого им звука в кабинете становится на четверть градуса холоднее, избавиться Кейра не могла. – Доктор Карлин, они в вашем безраздельном пользовании. Если мне что-то будет нужно, я скажу сам. Стажеры, этот офицер, – он указал на криминалиста, – Артур Тресс. Он второй заместитель руководителя отдела криминалистической экспертизы. Нам несказанно повезло, что он вошел в рабочую группу, это редкость. Доктора Карлина вы знаете. Здесь он – профайлер.

Я так понимаю, вы, мисс Коллинс, будете работать с ним. Что касается вас, мистер Дженкинс, Карлин ваш руководитель в рамках этого дела, но ваша задача – внимательно слушать офицера Тресса. Заодно и подучитесь. Я руковожу расследованием и имею право вето на любое распоряжение коллег. Обычно им не пользуюсь, надеюсь, и в этот раз не придется.

Грин прервался, чтобы стажеры наконец заняли свои места. Кейре было крайне некомфортно на перекрестье взглядов трех взрослых профессионалов-мужчин. Она опустила на кресло поближе к Артуру, как самому нейтральному из присутствующих, подумала, что не хочет быть единственной женщиной в мужском коллективе, вспомнила, что она обречена на это, раз выбрала такую профессию, и подняла глаза на Грина, который почему-то смотрел на нее в упор.

Краем глаза она заметила, что Тим занял место рядом с ней, и в кабинете повисла тишина.

– Приказ о вашем назначении передадут ближе к концу дня, – сказал Карлин, отвлекая на себя внимание. – Соглашения о конфиденциальности подписываются в момент зачисления на курс. Детектив Грин, вы можете погружать ребят в суть нашего расследования.

Аксель оторвался от Кейры и перевел взгляд на Карлина, который встретил его с легкой улыбкой. Сколько раз она пыталась нарисовать эту улыбку. Не получалось.

– Хорошо.

Слова детектива Грина вырвали ее из задумчивости. Кей-

ра вздрогнула и посмотрела на него. Детектив в свою очередь перевел взгляд на белую стену, мысленно формируя речь. Судя по всему, он не любил говорить, но право вести брифинг никому не передавал.

– Вчера в одиннадцать утра на горячую линию управления поступил звонок от гражданки Ритонины Рэксон, ведущего риелтора девелоперской компании «Мун Девелопмент». Она проводила показ особняка «Екатерининские мечты», расположенного в Старом Треверберге в районе усадеб, потенциальным покупателям: мужу и жене Арнольд. Особняк выставлен на продажу, право его реализовать получила вышеупомянутая компания, а мисс Рэксон выиграла этот проект в свое портфолио. Риелтор сообщила о двух трупах в фойе особняка. Дежурный приказал свидетелям выйти из особняка и дожидаться полиции и передал звонок в управление. Получив сообщение, я выехал на место, не дожидаясь криминалистов...

– Как всегда, – буркнул Тресс, вызвав у Карлина улыбку.
– ...и прибыл к особняку через двадцать пять минут после звонка, – спокойно продолжил Грин, будто не заметив, что его перебили. – Я переговорил со свидетелями, принял меры предосторожности с точки зрения порчи улики и осмотрел особняк и тела. К счастью, первые снимки за ночь подготовили. У нас есть общий вид и несколько крупных планов. Коллеги их уже видели, а Тресс был на месте преступления. Артур, передай, пожалуйста, снимки стажерам.

Тим чуть не подпрыгнул, когда криминалист отдал тонкую пачку фотографий Кейре, а не ему. Он хотел вскочить и подойти к ней, но застыл, повинувшись решительному, но миролюбивому жесту криминалиста. А Коллинс взяла в руки фотографии и замерла. То, что она увидела, не укладывалось в голове.

– Если вы подумали, что это кадр из фильма, мисс Коллинс, то вы ошибаетесь, – проговорил Грин, будто прочитав ее мысли. Кейра подняла на него глаза. – Это реальное преступление и реальное место. Два трупа. Девушка лет двадцати. Сожжена. Оставлена на кострище на манер средневековой инквизиции. Мы ее называем «ведьма», надеюсь, она не обидится. – По кабинету разлетелись короткие смешки. Смеялись все, кроме оцепеневшей от ужаса Кейры. – Второй – «священник» – стоял напротив «ведьмы» на коленях. Запястья, глаза и, как позже выяснилось, пенис удалены острым предметом. Мягкие ткани – предположительно ножом с коротким, не более пяти сантиметров, тонким лезвием. Что касается запястий, разрез слишком гладкий, тут не обошлось без хирургической пилы, но точной информации у нас пока нет. Равно как и нет пятен и брызг крови в самом особняке.

– Нет, – подтвердил Тресс. – Мы облазили каждую пядь, изучили все с люминолом¹, ничего не сияет. Кровь не разли-

¹ Люминол – органическое соединение, испускающее синее свечение при взаимодействии с некоторыми окислителями. Используется судебными экспертами для выявления следов крови.

валась. Либо ее удалили специализированным химическим составом, либо в особняк принесли уже мертвые тела.

– «Священник» сидит перед «ведьмой» в молитвенной позе, которая выражает сожаление, – продолжил Грин. Кей-ра отдала первые несколько снимков Тиму, перегнувшись через стол, и остановила взгляд на изображающем «священника». – Пока что личности обоих установить не удалось. Отсюда первое задание. Нам нужны данные по всем пропавшим за последний месяц, кто подходил бы под описание. С описанием тоже сложности – тела обезображены. У нас есть только вес, рост, телосложение и примерный возраст. Дженкинс, эта задача для вас. Также доктор Абигейл, наш судмедэксперт, сделала запрос в госпиталь имени Люси Тревер, чтобы те сравнили рентгеновские снимки зубов. У девушки была сложная реконструкция челюсти, пара зубов вставные. Если она делала операцию в Треверберге, мы ее найдем, но на это требуется время. Данные доктор Абигейл мне передаст, когда получит. Кроме этого, Коллинс, выясните, кто занимался уборкой усадьбы. Уход за садом, дом. Дорожки подметены. Тресс, тебя я попрошу поднять на уши химиков. Установите, что за веревки такие огнеупорные, что за брус, откуда он... ну и ты сам знаешь. Для стажеров: речь о брусе, к которому была привязана «ведьма», веревках, которыми она была привязана. Обычно криминалисты такие детали подмечают самостоятельно. Изредка я подчеркиваю на брифингах то, что считаю важным.

Тим и Кейра синхронно кивнули. Кейра передала коллеге оставшиеся фотографии и уперла взгляд в нервно сжатые руки. Какая невиданная жестокость. Хотелось бы верить, что эти двое не невинные жертвы. Что кто-то решил добиться справедливости. Что этот «священник» никакой не святой человек, а такой же урод, как... Нет, не здесь.

Кейра быстро заморгала, чтобы не позволить слезам брызнуть из глаз, улыбнулась и огляделась. К счастью, за ней никто не следил. Кроме, кажется, Грина, с чьим взглядом она опять встретилась. Да что с ней не так? Детектив будто видел насквозь ту ее бездну, к которой она даже с психоаналитиком прикоснуться не решалась уже три года терапии. Тот страх, который цепко держал ее столько лет.

– Тресс, – позвал Грин, будто с трудом отрывая от нее взгляд. – Сколько твоим ребятам понадобится на отчет?

– День.

– Оптимистично. Доктор Карлин, задержитесь, пожалуйста. Остальные свободны. Тресс, покажешь ребятам их кабинет?

– А мы будем работать не с вами? – удивилась Кейра. И тут же прикусила язык.

– Со мной, – спокойно ответил Грин. – Но в соседнем кабинете. Жду вас на вечерней планерке с результатами по вашим задачам. Планерка в пять.

7. Аксель

4 октября

Центральное управление полицией

Новый Треверберг

Когда за стажерами и Трессом закрылась дверь, Аксель пристально посмотрел на Карлина, который, казалось, витал в облаках. По меньшей мере выглядел спокойным, довольным и подозрительно добродушным, хотя это обычно сосредоточенному и строгому профайлеру не было свойственно от слова «совсем».

– Это что это вообще такое было, Марк? – приглушенно спросил детектив.

Карлин вздрогнул, возвращаясь в реальность, и поднял на коллегу изумленный взгляд.

– Ты о чем? – невинно спросил он.

– Она влюблена в тебя по уши. И ты это прекрасно видишь и потекаешь ей.

– Что?

– Ой, не отнекивайся. Не надо знать ваших психологических штучек, чтобы видеть, как ты попал в ее персональную травму. Сильно и глубоко.

– Не понимаю, о чем ты.

Аксель приглушенно выругался, взял со стола бутылку с

водой и сделал несколько глотков.

– Будем считать, что ты меня услышал. Надеюсь, это не станет проблемой для расследования?

– Проблемой? Слушай, Грин, влюбленность студенток в преподавателя – нормально. Чего ты так прицепился? Ничего же не было.

Аксель мысленно досчитал до пяти, прежде чем ответить. Он сел за стол, закрыл бутылку, провел руками по волосам, выпрямляя запутавшиеся пряди, посмотрел в окно, потом в потолок. И перевел взгляд на Карлина, который безуспешно пытался продемонстрировать злость или хотя бы раздражение, но у него ничего не получалось.

– Ничего не было *еще*, ты хотел сказать? – сложив руки на груди, спросил детектив. – Карлин, неужели ты из тех профессоров, которые спят со своими студентами?

Наконец на лице Марка отразилась живая эмоция. Он рассмеялся, но смех этот не был ширмой или оправданием. Чистый и веселый смех человека, которому действительно смешно.

– Во-первых, от этих профессоров меня отделает лет... тридцать? Я слишком молод для такой херни. А во-вторых, нет, Аксель, со своими студентками я не сплю.

– Но Кейра тебе нравится.

– Я женат, и моему сыну полгода.

– В какие времена это кого-то останавливало? – передернул плечами Аксель. – В том числе тебя.

Карлин посерьезнел, выпрямился и положил ладони на столешницу.

– Почему тебя это так взволновало? Проблемы с Лиз?

Грин поморщился, будто от удара. Думать о том, что их отношения с Элизабет свернули не туда, не хотелось. Это причиняло боль и отбирало силы. Ему нужно сосредоточиться на деле, а не на личных драмах участников следственной группы.

– Не хочу, чтобы вы перестали разговаривать. Пообещай мне – что бы ни случилось, вы доведете расследование до конца. «До конца» означает – до ареста или смерти преступника.

– Окей, – согласился Карлин. – Но все равно смешно, что ты так завелся из-за того, что стажерка не могла отвести от меня глаз. Удивился, что не от тебя? Ведь обычно так бывает?

Аксель улыбки не сдержал.

– Иди-иди, – проговорил он, разбирая многочисленные бумаги на столе. – У тебя много работы. Да и у меня тоже.

– Сходи к Джейн, – подмигнул ему Карлин. – Может, и настроение улучшится. И может, результаты экспертизы она тебе выдаст пораньше. По старой, так сказать, дружбе.

– Иди к черту, Марк.

Несколько часов спустя

Аксель коротко постучал в дверь и вошел, не дожидаясь приглашения. Доктор Джейн Абигейл сидела за своим столом, окруженная десятками папок. Она выглядела ослепительно, несмотря на круги под глазами и откровенно усталый вид. Детектив улыбнулся. Доктор Абигейл подняла глаза от документа, который читала, и вернула Грину улыбку.

– Если анализы не врут, она умерла от передозировки морфия. Садись, садись, чего застыл. Не ожидал от маньяка такой заботы?

– Не ожидал, – честно признался Грин после паузы. – Я теперь вообще ничего не понимаю. Он ее убил морфием, можно сказать, подарил самую милосердную из возможных смерть и... сжег? Сжег мертвое тело? Зачем?

– Психология по части Карлина, обсудите это с ним. Послушай дальше.

– Ты установила личность?

– Подожди, – снова улыбнулась Джейн, чуть заметно прикусив губу.

Синие глаза Грина остановились на ее лице. В кабинете повисла напряженная тишина. Но уже через мгновение доктор Абигейл взяла в руки очередной листок с заключением.

– Ее дружку так не повезло. Он умирал долго. Сначала ему отрезали запястья. Похоже на медицинскую пилу с электроприводом. Его зафиксировали, чтобы не дергался – или руку зафиксировали, сначала одну, потом другую. И просто отпилили запястья. Быстро и чисто. А дальше их прижгли.

Закупорили все сосуды и капилляры, чтобы раньше времени не умер, но боль была адская. Помнишь уколы в грудной клетке и шее?

Аксель сдержанно кивнул.

– Я подозреваю, – продолжила Джейн, по привычке переводя речь с медицинского на человеческий, – что укол в шею – это след от снотворного. Его вырубili, чтобы куда-то отвезти. А вот с дыркой в груди намного интереснее. Когда я его вскрыла, вся грудная клетка была заполнена кровью, а легкие спались.

– Что это значит?

– Я могу ошибаться, но, похоже, убийца, прежде чем прижечь руки, куда-то слил кровь. А потом шприцом закачал ее обратно в грудную клетку. Ну или кровь он взял из другого места.

Грина передернуло. Заметив это, Джейн рассмеялась.

– Картинка не из приятных, особенно мужчине, – кивнула она. – Но все возможно. А может и оттуда, и оттуда. Я подозреваю, что убийца вставил иглу, держал ее, а шприц от нее отделял. То ли лень дырки делать, то ли не хотел оставлять подсказки, не знаю. Занимательно, что рану в паху прижигать он не стал. Видимо, чистота запястий нужна была для полноты картины. Лицо после того, как вырезал глаза, протер, думаю, спиртом, потому что естественного сала на коже было совсем немного.

– Иначе говоря, девочку он убил и обжег не с целью са-

дизма, а над мужчиной поиздевался.

– Именно так.

– Наказывал, – прошептал Грин.

– Не знаю, – покачала головой доктор Абигейл. – Ну и на сладенькое. Я знаю, как зовут твою обожженную диву. Лоран Лоурден, 19 лет. Вот номер ее идентификационной карточки и страховки. Тут указано, что она балерина.

Аксель медленно перевел взгляд с картины, которую рассматривал, на судмедэксперта. Доктор Абигейл смотрела на него со знакомой усмешкой, полной интриги и кокетства, которая когда-то давно затащила его в бездну служебного романа. Ему там совершенно не понравилось. Особенно тогда. У него не было опыта в подобном, а взаимоотношения с приемной матерью покатались по наклонной, он стал для нее чужим. Возможно, Джейн просто спасла его. А может, воспользовалась. К чему теперь гадать. Прошло пять лет, и он живет с другой. Она вроде тоже была замужем. Взгляд детектива против воли метнулся к рукам. Кольца нет.

– Знал, что оставишь сладенькое на потом, – сказал Аксель.

– Всегда, – улыбнулась Джейн, протягивая толстенную папку. – Здесь все, что я смогла сделать за ночь и текущий день. А теперь извини. Мне надо поспать хотя бы несколько часов.

Грин принял у нее документы.

– Спасибо, – проговорил он, встал и вышел из кабинета,

не оглядываясь.

Чтобы личное перестало портить рабочее, им пришлось избегать друг друга два года. Они лишь недавно снова начали нормально разговаривать. Без подколок и взаимных обвинений. Просто работать. И на контрасте этот диалог оставил в его душе приятное щекочущее чувство узнавания. Отогнав лишние мысли прочь, Грин стремительным шагом направился в свой кабинет, чтобы изучить документы. Но у двери его перехватил взъерошенный стажер. Тим.

– У меня есть список пропавших. Я их отфильтровал. Там больше...

– Зайди, – прервал детектив. Когда Дженкинс вошел, Грин закрыл кабинет, неторопливо прошел на свое место, положил документы на стол и посмотрел на него. – Какие бы новости ты ни нес, не надо говорить об этом в коридоре. На деле гриф «совершенно секретно», и информация обществу выдается дозированно и строго через меня. Это значит, что она закрыта даже для сотрудников управления. Для всех, кроме членов команды.

– Да, сэр.

– А теперь скажи, есть ли в списке пропавших девятнадцатилетняя Лоран Лоурден?

Тим побледнел. Его взгляд мгновенно растерял всю свою колкость. Он медленно сел напротив Грина и подал ему листок с десятью именами.

– Я начал с девушек. По статистике об их пропаже сооб-

щают чаще. И выше была вероятность найти именно нашу клиентку. Откуда вы узнали про Лоурден?

Грин вытащил из своей папки выписку из медицинской карты. Взглянув на нее, Дженкинс улыбнулся.

– Быстро у вас тут все, – сказал он. – Несколько часов, и готово.

– В госпитале нас знают и не любят, если я прихожу с разборками.

– У меня есть контакты матери Лоран. Миссис Изольда Преттингс.

– У тебя есть машина?

– Э-э-э-э. Сегодня я без нее.

– Тогда поеду один. Напиши адрес. – Грин подал ему маленький блокнот. – Дождись остальных и займись поисками мужчины. Он должен быть как-то связан с мисс Лоурден. Надеюсь.

– Да, сэр, – возвращая Грину блокнот, сказал стажер. – Позвольте спросить, а при чем тут моя машина?

– Я перемещаюсь по городу на мотоцикле и пассажиров не вожу.

Аксель бегло взглянул на адрес, мысленно простроил маршрут, проверил документы, телефон, убедился, что все распихано по карманам и в пути не повредит, после чего вышел из кабинета, бросив Тиму ключ.

– Закроешь дверь, ключ сдашь Лив Люнне на посту охраны. И только ей.

– Будет сделано.

Тридцать минут спустя

Аксель Грин не мог ответить самому себе на вопрос, какого черта он поехал к матери жертвы, а не позвонил ей. Возможно, захотелось движения, чтобы не позволить мыслям заполнить голову и снизить его эффективность. А может, чувствовал, что должен снять эмоции. Увидеть реакцию женщины на страшные новости. Подойти ближе к тому, кто мог желать Лоран зла... или добра. Кто убил ее самым милосердным из известных науке способом. А потом обжег.

Голова начинала побаливать от напряжения, но Грин лишь сильнее вцепился в руль мотоцикла, пуская его узкую красную морду по междурядью. Движение в Треверберге нельзя было назвать простым. Все торопились, создавая пробки. Но мотоциклистов уважали и старались относиться к ним с осторожностью. Этому, конечно, способствовали и многочисленные напоминания, которыми покрывались все крупные транспортные артерии города: «Перестраиваясь, посмотри в зеркало заднего вида и сохрани жизнь», или «Мотоциклисты имеют право ехать по междурядью. Указ мэра от 10.04.1994. Помни об этом», или «Не пропустил мотоциклиста – оборвал жизнь. Оно того стоит?» Кто бы ни придумал это, лично Грин был рад любой социальной рекламе, которая облегчала ему жизнь.

Он остановился и возмущенно «поморгал» дальним светом стоящему впереди «Мерседесу». Тот спешно отрулил вправо, открывая окошко для маневра. Грин бросил короткий взгляд. Девушка, блондинка, болтает по телефону. Классика.

К дому миссис Лоурден он подъехал к моменту, когда сумерки опускались на город. Осенью в Треверберге темнело рано. Отсюда добираться до их с Лиз квартиры даже на мотоцикле минут сорок. Может, он поехал сюда именно поэтому? Чтобы оказаться дома попозже?

Странно, ведь последнее их утро прошло прекрасно. Наверное, он просто устал и увлечен расследованием, предчувствует погружение в чужие тайны и эмоционально отдалется от собственной семьи, чтобы ничего не болело и не триггерил.

Аксель остановился у невзрачного двухэтажного дома с тремя подъездами. Дом был чистым, недавно отремонтированным, но напрочь лишенным какой-либо индивидуальности. Он поставил мотоцикл, подумав, не стал оставлять на нем шлем, вместо этого вытащил из кофра подходящую сумку, сложил все туда и вошел в открытый подъезд. Поднялся на второй этаж и позвонил в дверь квартиры с потертым номером 22. В квартире послышалось шевеление.

– Кто?

Испуганный женский голос дрожал.

– Полиция Треверберга, детектив Аксель Грин. Я пришел

поговорить о вашей дочери. Миссис Изольда Преттингс?

Дверная цепочка заскрежетала. Дверь тихонько приоткрылась. Грин увидел невысокую бледную и худую женщину лет сорока.

– Настоящий детектив? – пискнула она, глядя на него во все глаза.

Он показал удостоверение. Женщина распахнула дверь и пропустила его в квартиру, на удивление чистую и уютную. Пахло свежей выпечкой и молоком. Аксель, внутренне приготовившийся к притону, почувствовал, как расслабляется.

Миссис Преттингс закрыла дверь и поспешила на кухню, одновременно показывая детективу дорогу. Аккуратная небольшая квартира. Две комнаты, кухня, просторная прихожая. Легкий бытовой беспорядок, ничего криминального. На кухне женщина быстро убрала со стола скалку с доской для раскатки теста, вытерла остатки муки и поставила чайник на плиту.

– Вы что-то узнали о Лоре?

– Я пришел с вами поговорить о ней, – уклончиво сообщил Аксель, отслеживая реакцию женщины. Она явно не подозревала, что дочь мертва. Или хорошо играла.

8. Изольда

04 октября 1999 года, вечер

Спальные районы

Новый Треверберг

Изольда смотрела на вызывающе-красивого полицейского и пыталась спрятаться от его демонически-синих глаз, взявшись за приготовление чая. «Изи, ты должна быть гостеприимной, если в твой дом пришел мужчина, ты должна сделать ему лучший чай и подать лучшую выпечку, на которую способна, используй семейные рецепты, усидчивость и свое сердце», – все детство и юность наставляла ее мать. Она старалась как могла, пыталась передать семейные традиции дочери, но Лоран получилась другой. Хрупкой и тонкой, самовлюбленной и нежной. Изольде не удалось приучить ее к домашнему труду. Но, впервые увидев дочь на сцене театра оперы и балета, миссис Преттингс плакала. Так плакала, как никогда в жизни. Даже тогда, когда кто-то из бывших мужей или любовников оскорблял ее или бил. Это были другие слезы. Когда Лоран танцевала, пела материнская душа. И было плевать, что она совершенно, ни капельки не умеет готовить. Изи простила ей все. Только за танец.

И вот этот красивый мужчина пришел в ее дом, ждет ее чай – для чего? Что он хочет сказать? Где Лоран? Где ее

принцесса-лебедь?

– Расскажите мне о дочери, – попросил детектив, кивком благодаря за чай и решительно отказываясь от свежих ватрушек. Отказ резанул по сердцу, но Изольда сдержалась.

– Вы что-то о ней знаете? Если знаете, говорите сейчас. Где она? Я могу ее увидеть?

На мгновение синие глаза офицера сковала корка льда. На нее даже пахнуло холодом, как от лесного озера. Женщина медленно опустилась напротив него и обхватила чашку с чаем двумя руками, лишь бы за что-то держаться.

– Мне очень жаль, мисс Преттингс. Ваша дочь мертва. Моя задача – выяснить, кто и почему это сделал с ней. Полиции очень нужна ваша помощь.

Что он сказал?

– Вы ошибаетесь. Лоран сбежала из дома. Это уже не в первый раз. В первый раз она сбежала в двенадцать. Потом в четырнадцать. Потом в пятнадцать и шестнадцать. И вот теперь.

– Почему ваша дочь сбежала из дома? – спросил детектив, доставая из нагрудного кармана маленький блокнотик и карандаш.

Изольда следила за его руками с тонкими музыкальными пальцами и думала, что всегда мечтала о таком мужчине. Ей как-то не везло с ними.

– Сбежала? Кто знает, что в голове у подростка... она росла бунтаркой. Совершенно не ценит семейные традиции. Ее

занимает только балет. Но теперь я понимаю, почему. Сходите на ее выступление. Она учится в балетной школе при театре оперы и балета, это в центральной части Треверберга. Скоро она станет Царевной-Лебедью.

– Кто-нибудь мог желать ей зла? Из труппы? Дома?

– Детектив, я не знаю, кого вы там нашли, но это не моя дочь, – отрезала Изольда, вскакивая с места. Ей нестерпимо хотелось спрятаться от пронзительных синих глаз мужчины, не видеть совершенство его лица, небрежно собранные в пучок волосы и губы, сейчас строго сжатые.

– Скажите, вашей дочери делали операцию на челюсти? Вставляли выбитые зубы?

Изольда застыла, будто тело разом лишилось способности двигаться.

Нет.

Этого никто не должен знать, никто не должен вспоминать. Самые мрачные страницы их семейной истории, самые мрачные события, о которых они никогда не разговаривали. Про то, как однажды Изольда пришла домой с работы. Тогдашнего мужа нет. И его вещей тоже. А дочь в больнице, не может говорить и плачет, плачет, плачет...

– Четыре года назад, – чуть слышно прошептала женщина.

– Я не взял с собой рентгеновский снимок, но готов показать вам его, если вы согласитесь поехать со мной в участок. Мне очень жаль, но мы нашли действительно вашу дочь. Ошибки быть не может. Зубы не лгут.

Изольда медленно опустилась прямо на пол. Слез не было, но она задыхалась. Грудь сдавило, сердце то останавливалось, то начинало биться как сумасшедшее. Дурацкая аритмия, как она от нее устала. Еще темные волосы упали ей на лицо, выбившись из прически. Она тихонько застонала, прижимая к груди полотенце подобно младенцу. Она не видела, как Грин встал, и чуть не завопила, когда сильные мужские руки взяли ее за плечи и помогли сесть на маленький кухонный диванчик тут же.

Послышался звук воды. Ей в руки всунули стакан.

– Выпейте.

Его голос звучал где-то над ухом. Изольда покрутила головой, отказываясь, но мужчина повторил свой приказ. Жестко. Холодно. Она повиновалась инстинктивно. Как делала это всегда. Осушила стакан и посмотрела на него в ожидании новых приказов. Или удара. В темно-синих глазах застыло странное выражение. Смесь сочувствия и узнавания.

– Сочувствую вам, – мягче проговорил детектив, поймав ее взгляд. Он отстранился, и она благодарно вздохнула. – Но мне нужна ваша помощь.

– Я хочу увидеть ее.

– Нет. – Он покачал головой. Светлые волосы упали на утонченное лицо, скрыв взгляд. – Вы не хотите этого, поверьте. Сначала мы поговорим. Вы ответите на мои вопросы, а я на ваши. И только после того, как вы все узнаете, решите сами, хотите ли вы ее увидеть.

Изольда встала, чуть пошатываясь. Вышла в соседнюю комнату и вернулась, прижимая к груди фотографию. Дочь не любила позировать. Ее с трудом уговорили замереть перед фотоаппаратом в день зачисления в балетную академию. Два года назад. С фото смотрела утонченная синеглазая блондинка с легким румянцем, который не могло испортить даже скверное качество фотографии, прохладным взглядом и чувственными губами с вечной горькой усмешкой. Изольда протянула портрет Грину.

– Вот моя девочка, детектив. Спрашивайте.

Тот внимательно рассмотрел портрет, аккуратно поставил его на стол и заглянул женщине в глаза.

– Расскажите о ней. Как она росла? Чем увлекалась?

– Она... только танцами. Росла как все подростки. Мы не то чтобы ладили. Но я ее любила. И сцена ее любила. Как она танцевала...

– Кто-то из труппы мог желать ей зла?

– Конечно! – смахнув с ресниц слезы, через силу улыбнулась Изольда. – Это же театр. Там все друг другу желают зла, иначе невозможно. Пробивайся, или прямой не станешь никогда.

Грин сделал короткую пометку в блокноте.

– Кто-то еще? Кто ее очень сильно любил? Или не любил? Может быть, отец... или молодой человек?

Изольда задумалась. Ее лицо снова исказила страдальческая усмешка, но женщина взяла себя в руки.

– Отец ее не знал. В смысле, вообще не знает о ее существовании. Я была молода, только исполнилось восемнадцать. Легкомысленна. Мы переспали в клубе. Больше не встречались.

– Отчимы?

– Да. Трое. С первым и вторым она не ладила, бойкотировала их присутствие. А с Джимом вполне подружилась.

– Джим – это Джим Преттингс?

– Да. Мой муж. Уже бывший. Мы развелись в прошлом году. Хороший человек. Но женился на молодой. Я в свои почти сорок для него слишком стара.

– А первые два?

– Майкл ушел, когда Лоре исполнилось семь. С Джейсоном мы познакомились через пару лет. А расстались четыре года назад.

Синие глаза Аксея впились в лицо женщины. Она чувствовала себя как на полиграфе.

– Это он выбил ей зубы?..

– Это была случайность! – вспыхнула Изольда. – Они не любили друг друга, да. Он пришел домой, а у Лоры первый подростковый бунт. Она напилась! Упала. Это все случайно получилось...

– И она выбила себе три зуба и сломала челюсть, ударившись об косяк? Как его зовут? Полное имя, адрес, контакты.

Изольда закусил губу, слезы снова подступили. Но на этот раз слезы ярости. Ее даже не тронули металлические

нотки в голосе детектива.

– Я не знаю адреса или телефона. Мы не разговаривали и не виделись четыре года! Звали его Джейсон Вонг. Ему было... на три года старше меня. Ему сейчас сорок два. Тогда он работал в музыкальной школе учителем по сольфеджио. Сейчас не знаю, где он. И знать не хочу. Да... – Взгляд женщины затянулся мечтательной поволокой. – Лора посещала открытые хореографические классы. Там мы с ним и познакомились.

Изольда налила чай и надолго замолчала. Сделала несколько глотков. Она говорила с этим совершенно незнакомым мужчиной, чувствовала смутную угрозу, шедшую от него. Но не ту, к которой привыкла. Опасным его делали погоня, а не характер. Хотя... Она внимательнее вгляделась в лицо. Он мог быть жесток. И, наверное, был жестоким. Но вряд ли в быту. Непримируемый борец за справедливость. Полицейский. Аксель Грин. Да, она видела его по телевизору. В прошлом году он раскрыл страшное дело, в котором серийный убийца – как это банально – охотился за проститутками, но потом перекинулся на официанток. Подробности Изольда не помнила, хотя во время его поисков на улицу без особой надобности старалась не выходить. Но он «охотился» в другом районе города. И для ее семьи все обошлось.

Но не в этот раз.

– Раньше он жил на Музыкальной улице. Там начали строить многоэтажные дома. И один из них отдали для распре-

деления меж заслуженными деятелями искусства и педагогами. Но я не знаю, остался ли он там сейчас.

Аксель протянул ей блокнот с открытым чистым листом.

– Напишите тот адрес, который помните.

Дрожащей рукой она вывела: «Музыкальная улица, дом 54, квартира 113». Детектив проверил написанное и благосклонно улыбнулся. От этой улыбки стало теплее. Изольда протянула руку и взяла с блюда уже подостывшую ватрушку. Механически жуя, она посмотрела на злого вестника в ожидании новых вопросов.

– Он не мог убить Лоран, – прошептала Изольда. – Не такой он человек. Он...

– Что? Хороший?

Она замолчала и опустила глаза. Вопрос Грина хлестнул обиднее пощечины.

– Что еще вы хотите узнать?

– Лоран жила здесь в последнее время?

– Да...

– Можно взглянуть на ее комнату? И еще вопрос – когда она пропала?

Изольда подняла голову и посмотрела ему в глаза со всей собранностью и серьезностью, на которую только была способна в этот момент. Детектив Грин спокойно выдержал ее взгляд, но, кажется, его лицо смягчилось. По меньшей мере, исчезла жесткая складка у губ.

– Семнадцать дней назад, детектив. Сначала я думала, что

она просто загуляла. Потом начала звонить подругам. А потом обратилась в полицию.

Он перевернул блокнот на чистую страницу, протянул ей.

– Пока я осматриваю комнату Лоран, пожалуйста, выпишите все контакты ее подруг.

Изольда кивнула, жестом показала детективу на нужную дверь, проследила за тем, как он сначала открывает ее, а потом исчезает в розовом пространстве, обустроенном с нежностью и любовью. Неужели Лоран больше никогда не переступит порог этого дома? Никогда не будет стоять в дверях, подняв ногу в идеальный шпагат и выгнув стопу? Никогда не посмеется из-за того, что дома столько выпечки, а они назло соседям и знакомым худышки. Никогда не прибежит в слезах после сложной репетиции. И никогда – совсем никогда – не обнимет ее и не скажет, что она уже взрослая и теперь все будет хорошо.

Женщина вытащила из кармана джинсов маленький телефон, прощальный подарок последнего бывшего мужа, который до сих пор оплачивал для нее услуги связи, и поискала нужные контакты.

Как будто у Лоран были подруги. У балерин не может быть подруг. Они дивы.

9. Альберт. 1978

Декабрь 1978

Новый Треверберг

Альберт учил месяцы. Его любимым был декабрь. Потому что Рождество. Мама и Лили наряжали красивую, очень маленькую и аккуратную елку. Но она все равно была с него ростом, он стоял рядом с ней, даже прыгал. Сестра ругалась, чтобы не мешал, мама улыбалась. Каждый год они наряжали елку. Он подавал старые игрушки, делал новые из бумаги. Он очень хорошо умел делать игрушки оригами. Птички, самолетики. Сестра его хвалила, мама улыбалась. И все было хорошо. В прошлом году они даже смогли испечь торт. Это был самый вкусный торт. Альберт не любил морковь, но мама сделала торт из нее, и он был таким волшебным, как Рождество!

И в этом году ждаты праздник маленький мальчик начал еще с начала месяца, когда выпал первый снег. Он просил маму достать елку или принести из парка еловых веток, мама ругалась. Рано. Он так ждал, был так измучен этим ожиданием, что чуть не пропустил тот день, когда наступило Рождество. Мама и Лили пришли с работы на несколько часов раньше обычного и сказали, что сегодня праздник. Лили принесла большой красивый календарь на следующий год.

На календаре была фотография украшенной козы. Рога серебряные, глаза красивые, как у мамы. И прямо под козой написано большими цифрами: «1979». Альберт знал, что так называется год, который начнется после Рождества, через несколько дней. Но таких цифр он еще не знал. Он научился считать до пятисот.

До нового года надо научиться до тысячи! А там все будет легче легкого. Десять тысяч. Пятьдесят тысяч. Сто тысяч! Он никак не мог запомнить название. Пятьсот... что дальше? После пятерки идет шесть. А тут... Шестьсот? Шестьсотник? Шесть чего? Он должен научиться. Мама говорила, он слишком медленно учится, потому что у него нет папы, папа не любил считать, вот и сын не считает, однако мама любила математику, и если у сына не получается, значит он недостаточно сильно любит маму. Жгучая обида заставляла его снова и снова зубрить цифры. Проговаривать их часами. Ну не запоминал он эту шестерку, которая обозначала шесть сотен. Он ее так и называл – «шесть сотен». И что с того? Зато научился умножать.

Лили показала ему таблицу с цифрами, сказала, что это таблица умножения. Он посмотрел на нее – и как-то сразу понял, почувствовал. Выучил за два дня. А шестисотник выпадал из памяти. Последовательный счет не получался. Мальчик огорчился, но был уверен, что справится с этим. Слишком уж обидно и больно было видеть осуждение в красивых маминых глазах. И страшно слышать «это все потому,

что у тебя отца нет». Ведь это он виноват, что отца нет?

Лили водрузила на верхнюю ветку елочки светящуюся звезду. А мама с загадочной улыбкой достала откуда-то большую, размером с ладошку, коробочку и протянула ему.

– Открой, – говорит. И глаза так скашивает, улыбается по-особенному. Она вообще как-то по-особенному в последнее время улыбается. И все реже говорит об отце.

Альберт посмотрел на нее внимательно. Так внимательно, как только мог.

Мальчик протянул ручонку, взял коробочку и аккуратно ее открыл. И даже вскрикнул от радости: в коробочке лежал самый настоящей корабль. Пиратский! С маленькими пушками и фигурками пиратов. И веревочкой, чтобы повесить на елку.

– Капитан Андрэ передает привет. Повесишь?

Альберт медленно избавил игрушку от упаковочной бумаги и коробки, бросил их на пол, тут же похолодел от ужаса и предчувствия наказания, поспешно поднял и аккуратно положил на стол. Мама, кажется, не заметила. Игрушка смотрелась удивительно, волшебно. Он будто снова оказался в парке. Нет! Это парк вместе с кораблем и пиратом пришел к нему! По-настоящему прям. Как в сказках. Целый мир в маленьком, сияющем новой краской кораблике.

Ему вдруг нестерпимо захотелось его разбить. Вот так вот со всей силы швырнуть в стену и увидеть, как он рассыпается на тысячи осколков. Мальчик присмотрелся внимательнее.

Нет, это не стекло, не хрупкий материал. Тут было и дерево, и пластмасса (так она, кажется, называется?). Зато сделан на совесть. Так аккуратно, столько деталек.

Альберт поставил игрушку на вытянутую ладошку. Выпрямился, расставил ноги, изображая морскую качку.

– Осторожнее, – сказала Лили. – Уронишь – будешь реветь.

– Я капитан! – возвестил мальчик. – Все на бордаж! – Он дернул рукой, и корабль покачнулся, но не упал. Мальчик рассмеялся. – Мы захватим самую большую добычу. И станем самыми грозными пиратами!

– Вешай уже! – В мамином голосе прозвучали металлические нотки, но мальчишка был увлечен новой игрушкой и не почувствовал угрозы.

Он взмахнул свободной рукой, будто сжимал в ней шпагу.

– На борда-а-а-аж! – заорал Альберт, подпрыгнув на месте.

И через мгновение получил затрещину от матери. Она отобрала корабль и повесила его на елку. Слезы обиды и стыда застелили глаза. Мальчишка упал на пол и принялся бить руками и ногами по нему. На него не обращали внимания. Мама ушла на кухню, а Лили, закатив глаза, плюхнулась в кресло. Тогда он сел, снял игрушку с елки и со всей силы бросил ее в стену.

Корабль остался цел. А вот фигурка капитана на носу отлетела и закатилась под диван.

– Это мой корабль! Я капитан! – прокричал мальчик сквозь слезы. – Корабль попал в бурю и разбился!

– Ма-а-а-м, – позвала Лили ленивым голосом. – Он опять все испортил.

Пару часов спустя

Темнота.

Сначала он ее боялся. Когда впервые его заперли в чулане, он орал и плакал. Мама взяла ремень, отлупила его и сказала, что если он произнесет хотя бы слово, она не выпустит его до утра. Он должен быть мужчиной. Он молчал. Стоял прямо перед дверью, боясь пошевелиться (а вдруг коробки свалятся ему на голову?!), следил за тонкой полоской света, надеялся, что тот не пропадет. А он пропадал. То пропадал, то появлялся. На закуток коридора, где располагался чулан, не выходило ни одно окно. И его единственный призрачный источник света зависел от того, открыта или закрыта дверь в гостиную и открыты ли окна там. Мама все больше любила мглу и мрак. А вот Лили наслаждалась ярким солнцем и красками. Когда Лили была дома, его заточение в чулане проходило почти нормально. А если ее не было, Альберту приходилось оставаться наедине со своими мыслями, с темнотой и чудовищами, которые жили в ней. Первые разы он искренне считал, что его сожрут. Но потом что-то изменилось.

Темноты он бояться перестал. Ему казалось, что в ней обитают живые существа. И они его проверяли поначалу, но потом он прошел проверку. И они его приняли за своего. Как это называется? Посвящение! Посвящение в рыцари, в пираты. Он настоящий мужчина, он не боится темноты. Мама должна гордиться – он уже взрослый.

Но мама продолжала запира́ть его в чулане каждый раз, когда он был неправильным сыном. Даже после того, как он совсем вырос, ему исполнилось шесть. Он на нее не обижался, нет. Ведь это он себя неправильно вел.

Он сломал кораблик капитана Андрэ. Зачем он это сделал? Альберт и сам не понял. Ему вдруг захотелось уничтожить эту прекрасную, но такую далёкую, вырванную из чужого мира, из сладких воспоминаний игрушку.

Зайдя на оклик Лили в комнату, мама посмотрела на сына. На игрушку. На Лили. Альберт стоял, все так же широко расставив ноги. И улыбался. Он не знал, почему улыбался. Он будто бросал ей вызов. Вот что ты сейчас сделаешь, ма? Ты сама говоришь, я взрослый. А взрослые постоянно ломают хорошие вещи! Вот буквально пару дней назад я видел, как взрослый дядька на своей машине врезался в столб. Я видел это своими глазами из окна! И никто его не наказал! Машина сломалась, совершенно точно сломалась. Ее нос вмялся. А мужчина просто вышел из нее, посмотрел, покачал головой и пошел куда-то пешком!

Не прочитав в глазах сына все то, что он хотел сообщить,

мама отвела его в чулан молча и как-то устало. Он так надеялся, что она скажет хоть что-нибудь, но она молчала. А он не мог разглядеть ее лица. И теперь сидел один в полумраке, прислушиваясь к приглушенным голосам. Лили с мамой что-то обсуждали в комнате с елкой. Они не особо шептались, но до него доносились только обрывки.

– ...ребенок, – говорила мама. – ...испортил...расстроится.

– Он правда придет? – громче сказала Лили.

– Да... готов показаться. Не знаю, как... примет его.

– Да будет счастлив! – громко заявила Лили. – Он долго этого ждал. И он ему понравился.

– А тебе?

– А мне главное, чтобы ты была счастлива. На тебя больно смотреть.

Что ответила мама, Альберт не услышал.

Он сидел здесь уже долго. Устал. Хотел в туалет и есть. Но надо было терпеть и молчать. Если открыть рот, будет хуже. Он не хотел расстраивать маму и сестру. Рождество же. Праздник. Самый радостный и светлый в году. Сейчас его выпустят, и начнется радость. Только пусть выпустят поскорее, а то он не найдет в себе никакой радости. Альберт сжал руки в кулаки сильнее, чтобы ногти впились в ладони, чтобы почувствовать боль. Улыбнулся. Запустил пальцы в волосы и взбил лохматую шевелюру, не вполне отдавая себе отчет, зачем это делает. Сел прямо на пол. Раньше он этого

не делал, старался стоять или искал подходящую коробку, чтобы разместиться на ней. Устал.

Пронзительная трель звонка заставила его подскочить на месте. Через несколько секунд и чулан открылся. На пороге стояла Лили. Она схватила Альберта за руку и потащила в комнату, где елка.

– В туалет хочу! – заныл Альберт.

– Потерпишь.

Она швырнула его на диван и велела сидеть тихо. В дверь снова позвонили.

– Ну, долго еще? – крикнула мама из коридора.

Лили вернулась с расческой в руках и принялась остервенело драть его волосы. Альберт настолько удивился, что даже не заплакал.

– У нас гости. Тебе понравится, будет весело. Только, пожалуйста, веди себя хорошо. А я тогда, а я тебе... что-нибудь куплю со своей зарплаты! На целую серебряную монету! Хорошо?

Он посмотрел в глаза сестры, будто спрашивая, а зачем ей это.

– А кто пришел?

– Готово! – крикнула Лили маме, спрятала расческу в карман и села рядом с братом.

Альберт услышал, как открывается дверь. Кто-то молча зашел в квартиру. Звуки объятий. А потом Альберт убедился, что парк пришел к нему. На пороге стоял пират. Он узнал

его, хотя тот был без зеленых волос. Он стащил с головы шапку, и неровные темные пряди упали ему на лицо, прикрывая глаза. Но ничто не могло спрятать улыбку. И все было замечательно. Кроме того, что пират обнимал маму за талию. Альберт наклонил голову набок, как собака, чтобы приглядеться. Впитать в себя этот момент. Его мама. Красивая мама. И этот пират, огромной ручищей прижимающий маму к себе.

Он решил стать его папой?

Но Альберт уже не был уверен, что хочет папу. Он сам взрослый и сможет защитить своих девочек. Сестру и маму. Пират выпустил женщину из объятий. Прошел в комнату, присел перед мальчиком, чтобы посмотреть на него снизу вверх.

– Ну привет, – сказал он. Голос тот же. Альберт не улыбнулся. Он смотрел на гостя серьезно, изучающе. Впитывая не черты лица, а то, что скрывалось за ними, и чувствуя смутную угрозу. Их жизнь изменится безвозвратно. Она уже изменилась, мама и сестра все решили без него. – Помнишь меня? – спросил пират. – Я Андрэ.

– Капитан Андрэ, – прошептал мальчик.

Мужчина рассмеялся.

– Помнишь, что ты мне сказал в парке?

– Да.

– Я подумал над твоим предложением. Я согласен стать твоим папой.

10. Марк

4 октября 1999 года

Центральное управление полицией

Новый Треверберг

– Сколько же там людей работает, – положив телефон, вздохнула Кейра.

Карлин поднял голову от отчета Тресса, который перечитывал в очередной раз, и вопросительно посмотрел на Коллинс. Девушка собрала волосы в пучок, который закрепила карандашом; ручкой вычеркивала из блокнота тех, кого обзвонила. Первой была компания «Мун Девелопмент». Пришлось по факсу сбросить официальный запрос (вредная секретарша отказывалась верить, что ей звонят из полиции, и требовала личного присутствия, но сторговались на факс), потом так же получить списки закрепленных за «Екатерининскими мечтами» уборщиков. Коллинс запрашивала данные обо всех, кто переступал порог усадьбы за последние тридцать дней. Возможно, круг поиска стоило расширить, но они решили начать с малого. Набралось под сорок человек. Семь гектаров ландшафтного и плодового садов и саму усадьбу разделили между четырьмя подрядчиками. Два на дом, два на участок. У этих подрядчиков была невероятная куча сотрудников. У каждого своя специализация.

Кейра обзвонила компании-подрядчиков и теперь ждала ответы от них на официальные запросы, подписанные Старстардом, для получения списка людей, графика дежурств и отчета по сменам, если таковые были. Отдельно она сконцентрировала внимание на изогнутых прутьях (ну а вдруг их деформировали не так давно).

Дженкинс бросил на стол папку с копией отчета криминалистов. Карлин с трудом оторвался от тонкой шеи Кейры, по которой разметались выпавшие из пучка тонкие прядки, и посмотрел на стажера. Тим выглядел странно. Его лицо не было искажено эмоциями, но и безразличным его профайлер назвать не смог бы. Тим был удовлетворен. Чем, интересно.

– Что увидел? – спросил Карлин негромко.

Оба стажера посмотрели на него будто по команде. Только вот Коллинс тут же отвела глаза, а Дженкинс улыбнулся.

– Хороший отчет, – согласился он. – Я думал, что такой красотой нас только в академии пичкают. А тут все как по учебнику. Офицер Тресс сказал, что будут дополнения. Мол, тут только часть. Грин ему дал...

– Детектив Грин, – поправил Марк.

Стажер осекся. Снова улыбнулся.

– Детектив Грин дал ему сутки. А прошло всего... А который сейчас час?

– Сейчас пять. Грин задерживается у матери жертвы, поэтому планерки не будет. Но завтра брифинг в девять, про-

шу не опаздывать.

– Пять. Прошло всего шесть часов, – продолжил Дженкинс. – Столько материалов за шесть часов.

Карлин пожал плечами и с тоской посмотрел на пустой стаканчик из-под кофе. Надо наведаться к Энн в кофейню, взять нормальный. И себе, и ребятам. Вопрос только, сегодня или завтра. Или стажера послать? Что он тут разглагольствует?

– Делу отдан приоритет и выделены соответствующие ресурсы.

– Правда? – Глаза стажера вспыхнули темным огнем.

– Тим, чего привязался, – влезла Кейра. – Как будто ты каждый день видишь такие дела. Конечно, ему отдадут приоритет. Даже в этом городе такого еще не было. Ведьма и священник.

– Ведьма и священник, – пробормотал Дженкинс, опустив глаза. – Да. Я просто устал.

– Ну ты и лентяй, – с улыбкой, которая совершенно не понравилась Карлину, сообщила Кейра, подсакивая к факсу, когда раздался звонок. Она нажала кнопку приема документа и замерла. Карлин видел, что девушка сдерживается, чтобы не выдернуть бумагу в попытке ускорить получение информации. По мере выползания листа ее лицо мрачнело.

– Да они издеваются, – пробормотала она. – Тим, может, ты мне поможешь с этой ерундой? Пожалуйста. Тут под сто человек, я в жизни не обработаю всех.

– Это не требуется, – вмешался Карлин. – Просто отдай мне списки. У нас есть отдел, который проведет предварительную работу. А мы поговорим только с теми, чьи показания ценны для дела.

Кейра посмотрела ему в глаза. Кажется, впервые за этот день она не покраснела, глядя на него. Карлин почувствовал нечто, близкое к сожалению: она так очаровательно краснела. Ее каштановые с краснотой волосы чудесно гармонировали с бледной кожей и большими глазами. Тонкий стан, маленькие руки. И печаль. Печаль глубоко травмированного человека, который цепляется за жизнь, но свято бережет свои тайны.

Полная противоположность его блистательной ведущей-жене.

– А мы не рискуем так упустить что-то важное?

– Статистика, – с умным видом заявил Тим.

– Да? И что же ты хочешь сказать? – огрызнулась Кейра, переводя взгляд на стажера.

Тот самодовольно откинулся в кресле.

– Мы должны отработать все запросы, но ресурс стажеров и детективов ограничен и ценен. Мы формируем опросник. Коллеги проводят опрос, он записывается, тщательно стенографируется. Потом результаты обрабатываются определенным образом, но не скрываются. Нам передается вся документация по всем допросам. И дополнение с указанием того, что выглядит подозрительным и требует внимания. И далее

мы сначала проходимся по таким вот спорным моментам. А потом при желании анализируем все стенограммы и видеозаписи интервью.

– И как это экономит время? – удивилась Кейра.

– На самом деле существенно. Ну что там со списками?

Она пробежала глазами полученный документ, удовлетворенно кивнула.

– Я соберу их все и передам вам, доктор Карлин.

Он улыбнулся.

– Я вот хочу спросить, – проговорил Тим. – А детектив Грин всегда отправляется к свидетелям один?

– Если хочешь ездить с ним – заведи машину, – улыбнулся Карлин. – Вы почти одновременно установили личность девушки, а он такое ценит. Но на свой мотоцикл пассажиров, как ты понимаешь, не берет. Если бы ты был на машине, он предложил бы поехать за ним. И ты смог бы принять участие в допросе свидетеля. Но что у нас со священником?

Дженкинс передернул плечами так, будто хотел поправить несуществующий плащ.

– Глухо.

– Списки пропавших?

– Проблема в том, что их существенно больше, чем девушек. Мужчин от 35 до 55. Потому что этот хмырь выглядит так, что по нему возраст не установить. Да и доктор Абигейл ничего конкретного не сказала. Ну ближе к сорока. Как будто это что-то меняет.

Карлин поднялся с места, обогнул стол и сел напротив Тима. Тот вздохнул. Мальчишка явно не готов к работе в полиции. Хотя ему... ему двадцать семь, если верить досье. Он старше Кейры года на четыре. Значит, это либо второе образование, либо осознанный выбор. Придуривается? Набивает себе цену? Пытается социализироваться в коллективе и не выпендриваться? Карлин был ненамного старше, но в органах провел всю свою сознательную жизнь. Он с детства знал, что будет ловить серийных убийц, изучал все материалы, которые мог достать сам или его отец. Он не пошел в строительство, не продолжил семейное дело. Лишился семьи в двадцать, продал бизнес, почти все вырученные средства положил в банк и при желании мог ничего не делать до конца жизни, но вместо этого продолжил обучение. Он брал бесконечное количество дополнительных курсов, ездил по всему миру, проходил стажировки. И, вернувшись в Треверберг к двадцати семи, был уже известным специалистом. Местные не сразу поверили, что Карлин хочет работать в полиции. До сих пор ему не дали отдела, но Марк знал: еще пара дел, пара десятков прочитанных лекций, несколько командировок, и Старсгард найдет деньги на то, чтобы выделить ему помещения и фот. Чтобы Карлин основал собственное направление профайлинга. Учил людей, которые бы разъезжались по всему миру. Пользуясь своей короткой связью с Куантико, Марк понимал, что его студентов примет даже ФБР. В этом плане академия и университет имени Люси Тревер оказались более

проворными: курс профайлинга под руководством Карлина шел уже несколько лет. Но ничего. Марк умел ждать.

– Давай обсудим. Коллинс, присоединяйтесь. То, что вы делаете, важно, но задачу детектива вы выполнили. Мы с вами должны составить психологический портрет преступника. И урок номер один: если вы хотите сделать свою работу хорошо, дружите с криминалистами. Тим Дженкинс – ваш криминалист.

– Сейчас он просто копается в бумажках, как и я.

– Да. Но он криминалист. И стажеры первые пару лет всегда копаются в бумажках. Правила такие, – улыбнулся Карлин и хлопнул по пустому стулу рядом с собой. – Садитесь. Мы должны дождаться Грина, если не поступит иных указаний. У нас есть время решить задачку Тима. А потом поужинать.

– Вы не торопитесь? – спросила Кейра, опускаясь на предложенное место.

Пахла она тоже чудесно.

– Дело – приоритет. Для детектива Грина, для офицера Тресса, для доктора Абигейл, которая не спала сутки, но установила личность девушки и сделала отчеты о вскрытии. Для меня. И для вас, господа стажеры. Если это вас не устраивает, идите домой и подумайте, ту ли профессию вы выбрали.

Стажеры притихли. Но если Кейра выглядела испуганной и несколько пристыженной, то Дженкинс буквально светил-

ся от удовлетворения на грани радости. То ли у них конкуренция какая-то, то ли ему на самом деле здесь нравилось, и он сбросил маску.

– Итак. У нас мужчина. Есть признаки цирроза. Значит, пил, – заговорил Дженкинс, не глядя в отчет доктора Абигейл. Он уверенно себя чувствовал во взаимодействии с документами патолога. Полезный навык для криминалиста, расширяет угол зрения. Помогает заметить то, что недоступно коллегам. – На вид лет сорок. Но доктор Абигейл подчеркивает, и я с ней согласен, что ему может быть и 50, и 55. Несколько переломов. Возможно, он в прошлом спортсмен. Тело в хорошем состоянии, процент жира удовлетворительный.

– Значит, был сильным, – прошептала Кейра, и Карлин неожиданно почувствовал ее дрожь. Но не повернулся к ней. Ограничился лишь тем, что сделал мысленную заметку разобраться. Сейчас он был сосредоточен на том, что говорил Дженкинс. Точнее, на том, как он это говорил. Свободно, спокойно. Он не был похож на стажера. Всего один рабочий день, а он окреп.

Все-таки возраст – это преимущество. Карлин вообще думал о том, что до двадцати пяти в академию брать никого нельзя. Что может знать о правосудии, справедливости, законе и душе серийного убийцы двадцатилетний юнец? Ничего.

– Да, несомненно, – спокойно ответил Тим Кейре, пере-

вода на нее холодный, как у любого криминалиста, взгляд. – Он явно был сильным и следил за этим. Немного не вяжется с алкоголем, но психика по части доктора Карлина, я в этом не силен.

Все заулыбались.

– Я подал запросы во все участковые отделения города. Ну и отнес на первый этаж, попросив их поторопиться. За тридцать дней – вы не поверите – за тридцать дней мы получили около сорока сообщений о пропавших людях, которые подходят под критерии.

Карлин вздернул голову.

– Почему так много?

– Мероприятия, – пояснил стажер. – Несколько фестивалей, крупные концерты. Всякое бывает. А может, просто осень. Но на самом деле, получив цифры, я позвонил в архив. В этом городе ежемесячно пропадает тридцать-сорок мужчин и столько же женщин.

Карлин усталым жестом прикоснулся к переносице. Он об этом не знал. Не думал. Не должен был думать, потому что размышления приведут лишь к новому расследованию. А это не его задача. Он работает с серийными убийцами, он не связан с отделом по борьбе с наркотиками. Или с полицией нравов. Или с ребятами, расследующими работорговлю, хотя последняя – грубо говоря – относилась к юрисдикции отдела Грина. Отдел по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Но Грин таких дел не касался.

– Итак, у нас сорок мужчин, которые подходят под описание. Задача разработать и наложить на них фильтры и сузить круг поиска.

Тим кивнул.

– Если быть точным, их тридцать шесть. Это я и начал делать. Ну, буквально полчаса назад.

– А если пойти с другой стороны? – неожиданно заговорила Кейра. – Утром, когда детектив Грин не знал имени жертвы, он действовал логично. Но сейчас мы знаем ее. А это значит, что нам нужен мужчина, который с ней связан.

– Детектив Грин сказал мне это перед уходом, – подтвердил Дженкинс. – Я проверил. Это точно не ее отец – ее отец умер, когда малышке было три. Хотя по возрасту подходит.

– Может быть кто угодно. Не обязательно родственником. Учитель, садовник, работник соседнего магазина. Все равно все слишком размыто. Нам нужно дождаться возвращения детектива и надеяться, что он смог вытащить что-то из матери убитой.

– Все-таки зря он не взял меня с собой, – насупился Тим. – Я ничего полезного не сделал и задачу его не выполнил.

– Тогда предложи фильтры.

Стажер еще раз пробежался по списку. Карлин заметил в его глазах мрачный огонек, но списал его на гнев от неспособности решить задачку быстро.

– Мне нужно подумать, – проговорил Тим и укусил кончик карандаша. – Seriously подумать.

– Отлично, – сказал Карлин. – Я предлагаю перерыв на час, а потом продолжим. Дженкинс, ты предпочитаешь думать в одиночестве?

– Да. Утром я либо дам варианты, либо не дам.

– Решил провести ночь в управлении? – спросила Кейра, поднимаясь с места.

Дженкинс усмехнулся.

– У тебя есть предложение поинтереснее?

Карлин не видел, но почувствовал, как она вспыхнула от смущения. Молодость. В свои тридцать четыре Марк иногда чувствовал себя умудренным опытом стариком. Видимо, сказывались преподавание, раннее признание в профессиональных кругах. Он встал с места, взял свой пиджак, который висел на вешалке, кивнул стажерам, прощаясь, и вышел из кабинета. Закравшаяся мысль, что можно пригласить Кейру на ужин, улетучилась. И он решил, что поработает или почитает в своем кабинете. Ему требовалось одиночество. А еще тишина. Потому что в отличие от молодняка он свою часть работы не сделал. Ему нужны личности жертв. Их связь. Понимание их истории.

То, что он видел сейчас, вызывало противоречивые чувства. Слишком. Бережное отношение к девушке и огонь. Откровенное издевательство над мужчиной смотрелось более однозначно. Его наказали и заставили раскаяться, попросить прощения у девушки. В этом было столько личного.

Они точно связаны.

Близко связаны.

Что он ей сделал?

За что он должен просить прощения?

Почему убийце это важно?

Почему он решил обжечь уже мертвое тело?

Что было у тебя в голове? Что ты чувствовал? Ты ведь никуда не торопился. Ты точно знал, что тебя никто не потревожит. Ты привез их уже готовых. И делал свою инсталляцию. Тресс написал, что даже при серьезном уровне подготовки собрать все то, что он собрал, быстрее чем за час практически невозможно. Целый час! Ты делал это ночью? Тогда бы кто-то заметил свет. Значит, днем? Ты знал, что там никого не будет?

Марк очнулся в своем кабинете.

Всегда проще отталкиваться от того, что убийца что-то знает. Или же он самоуверенный ублюдок, и это предположение тоже имело право на жизнь.

Он взял телефон и отправил Акселию сообщение: «Стажеры меня доконали. Есть новости?» Ответ пришел незамедлительно: «Смотря с какой стороны глянуть. Скоро буду».

«Скоро» в переводе с гриновского на человеческий – минут двадцать. Карлин сел за свой стол, бросил взгляд на дверь, убедившись, что она надежно закрыта, и прикрыл глаза. Дремота навалилась стихийно. Даже он не мог все время находиться в концентрации. Двадцать минут... целых двадцать минут.

11. Аксель

4 октября вечер

Новый Треверберг, спальные районы

Аксель закрыл за собой дверь и очутился в розовом аду. Эта комната насквозь была пропитана девочковостью. Везде висели плакаты с балеринами, вырезки из газет. На маленьком столе валялась стопка книг и в большой рамке стояла фотография самой Лоран. Только в пачке и на пуантах. Девушка стояла в арабеске – рабочая нога вытянута в колене и носке и поднята так, чтобы пальцы оказались на одном уровне с макушкой. Вторая нога на пуанте. Волосы собраны в классический пучок, глаза смотрят куда-то в небо. Ангельский вид. Аксель невольно засмотрелся. Балерины никогда не интересовали его, он не был в театре и не погружался в тонкости, за исключением расхожих названий тех или иных танцевальных поз и движений. Но в них была своя магия.

Магия явно жила и в Лоран. Только вот Грин чувствовал, что при всей своей воздушности она не была ни легкой, ни легкомысленной. На фотографиях с него смотрела юная девушка со старческими глазами. Такие глаза бывают только у человека, который жил в аду. Он уже вырвался в мир, начал заново, но его личный ад никуда не делся.

Что же с тобой происходило, девочка?

За что перед тобой просили прощения на коленях?

Аксель сел за стол. Вытянуть ноги не получилось – он уперся в стенку. Справа стояло мусорное ведро для бумаг. Грин отставил стул в сторону и достал его, заглянул внутрь. Огрызок яблока покрылся плесенью и превратился в круглый сизый шар. Под ним лежали какие-то бумажки. Грин натянул перчатки на руки, вытащил яблоко и бросил его в пакет, который нашел тут же. Посмотрел на бумажки. Пара листков с рисунками, заметки, похоже, расписание занятий в сентябре. Наскоро вырванный листок из блокнота с яростно зачеркнутым текстом. Детектив включил лампу на столе, расправил листок и посмотрел на текст, пытаясь разобрать, что там написано. «Пси... г... ничего... Не пойду...» Обрывки фраз. Нужно отдать листок Трессу. И найти блокнот, из которого его вырвали. Очень похоже на девичий дневник. От пагубной привычки доверять все свои мысли бумаге каждый излечивается в определенном возрасте. А кто-то не излечивается вовсе, становится писателем, сходит с ума или однажды остается ни с чем, потому что тот, кому не следовало, прочитал то, о чем ты никому не хотел говорить.

Где девчонка может спрятать заветную тетрадку? Или блокнот. Конечно, под подушкой или матрасом. На самом деле нет, это банально. Но нужно проверить все. Грин посмотрел на небольшую кровать. Две подушки в розовых наволочках, светло-серое покрывало. Прикоснуться к ней не хотелось. Она явно заправлена матерью. Интересно, Изольда

часто вмешивалась в личные дела дочери? Что она скрывала? Явно что-то скрывала. Они обе.

Быстрыми и короткими движениями Аксель обследовал постель, заглянул под подушку, приподнял матрас, но нашел там только обрывок журнала для взрослых (неожиданно) с изображением сексапильной блондинки с большой грудью. Ее тело было перевязано ремнями, руки зафиксированы за спиной. Кляп висел на шее, а помада размазалась. Грин застыл. Почему-то это казалось важным. Любовь молодой девушки к садо-мазо не казалась ему чем-то из ряда вон, сексуальность у каждого своя, но сохраненная фотография удивила. То, что она ее прятала, ожидаемо. Но то, что сохранила?..

Аксель проверил шкафчики рабочего стола и настенные. Прошелся по платяному шкафу, где нашел несколько пар засаленных пуант. Ничего, напоминающего дневник или тетрадку с такими же, как найденный в помойке, листками. А что, если... она не чувствовала себя здесь в безопасности? Тогда она будет прятать дневник так, чтобы его не нашли. А значит, это будет не то место, которое выбрал бы любой другой подросток. Они находятся в квартире, значит, люки в полу исключены. Но может, есть вентиляционные шахты? Или что-то подобное? Она тонкая и хрупкая, легко залезет под кровать или под стол. Аксель включил на телефоне фонарик (необходимости носить с собой сотовый он сопротивлялся до последнего, но наличие фонарика стало решающим

аргументом в споре с шефом) и опустился на колени, методично обследуя пол и плинтусы. Обнаружил, что под рабочим столом плинтус истерся, будто на него все время ставили ноги и ковыряли пальцами. Под батареей у окна ничего кроме пыли и пауков не обнаружилось. Он посветил под кровать. Показалось?

Мягкий ковер заканчивался у ножек, а дальше – деревянный пол. Грин направил поток света так, чтобы он высветил пыль. Да. Под кроватью определенно лазили. И все время в одно место – в точку прямо под изголовьем, в углу. У ног пыли было значительно больше, чем там.

Какое счастье, что Изольда не помыла полы.

Грин забрался под кровать. Он был значительно больше девушки и тут же уперся плечами и спиной в ламели, кажется, даже приподнял их вместе с матрасом и постельным бельем. Кончик плинтуса в самом углу прилегал неплотно. Грин подполз к нему и посветил. Его явно отрывали и ставили на место. Высвободив руку, он потянул за деревяшку, и та легко и бесшумно отклонилась, высвобождая небольшое, но достаточное для того, чтобы скрыть тонкую тетрадку, пространство.

Да! Порадовавшись, что перчатки на руках, он достал дневник и аккуратно выбрался из-под кровати. Весь в пыли, но страшно довольный. Сел за стол, открыл страницу и чуть не застонал от разочарования: заполнено было всего три страницы. И последняя дата – 10 сентября. Он наскоро про-

бежал текст в поисках имен или того, что прольет свет на убийство. Но вычитал лишь то, о чем догадывался и так: девушка ходила к психологу в центр реабилитации Себастьяна Хоула. И она не ладила с другими балеринами. Вернее, ладила не со всеми.

Грин сунул тетрадку в пакет для вещдоков, его опустил в небольшую сумку, которую всегда возил с собой в кофре мотоцикла, тщательно отряхнулся и вышел из комнаты, понимая, что больше искать в ней нечего.

Изольда встретила его с напряжением.

– Что-то нашли?

– Дневник, – решил не скрывать он. – Но тетрадь новая, всего четыре записи. Не знаете, где может быть остальное?

– Лори вела дневник? – максимально искренне удивилась женщина.

Грин ей не поверил.

– Вы что-то знаете, но не хотите рассказывать. Поверьте, какими бы страшными ни были ваши семейные тайны, вы меня не удивите, а я вас не осужу. Не вы же убили свою дочь?

По щекам женщины потекли слезы. Она прислонилась спиной к стене и закрылась руками. Грин стоял у двери в комнату ее убитой дочери, смотрел на нее и ничего не чувствовал, кроме навалившейся усталости. День был сложным, он почти не спал, он еще должен заехать в участок, потратив почти час на дорогу, потом вернуться домой, и неизвестно, что там его будет ждать: гробовое молчание, вспышка стра-

сти или скандал. На тепло и нежность он не рассчитывал.

– Если вы скроете важную для следствия информацию, могут пострадать другие.

– Другие? – Ее глаза распахнулись. – Но при чем тут другие? Убили Лори.

– Это двойное убийство, которому придали вид ритуального. Будут еще, поверьте мне. Без ваших показаний мы не сможем составить портрет преступника. Чтобы понять его, мы должны узнать все о Лоран. Чем она жила, что ее пугало. Я вижу мрак в ее глазах. Расскажите мне. Кто мог желать ей зла?

– Мне нечего добавить к тому, что я уже сказала.

– Лоран обращалась к психотерапевту? К кому?

Глаза Изольды распахнулись так, будто она услышала о том, что земля плоская, а все тепло идет не от солнца, а из недр. Она молчала, удивленная вопросом и сменой темы разговора. Обычно такое выбивает неподготовленного человека и заставляет его рассказать то, о чем он предпочел бы молчать. То, что Изольда не хочет говорить о прошлом дочери и собственном, понятно. То, что нужно будет обеспечить ей социального психолога, – тоже. Но сейчас Грин должен был сформировать максимальное количество гипотез, перебрать их, вывести из зоны тени и оставить только те, которые приведут его к убийце.

– Вроде бы ходила. Она не любила об этом говорить.

– Есть имя этого специалиста?

– Нет, конечно, – собравшись с силами, но все еще потрясенная, ответила Изольда.

Аксель медленно кивнул, отслеживая ее реакцию.

– Мы проверим Джейсона Вонга.

– Мне кажется... я не знаю наверняка, но мне кажется, что... О боги! – Она снова закрылась руками. – Мне кажется, Джейсон ее домогался.

Аксель тихо выругался.

Пару часов спустя

Он заехал в участок, нашел там команду в полном составе, поручил Трессу отыскать Вонга и назначить с ним встречу. Кейре – позвонить в училище и предупредить о приезде детективов утром. Тиму велел в девять утра ждать его в училище. И уехал домой, отпустив команду. Добравшись до изящной новостройки, он минут десять сидел на мотоцикле, сняв с головы шлем, и смотрел в небо, безуспешно пытаясь отыскать звезды. Небо затянуло свинцом, снова собирался дождь. Нынешнюю осень в Треверберге нельзя было назвать ни теплой, ни доброй. Но в этом городе ни один месяц, даже ни один день не обходился без убийства. Огромный мегаполис, в котором жили миллионы, иногда сходил с ума. Или всегда был таким, Аксель не знал. Он здесь вырос. Этот город дал ему все. Семью. Призвание. Проведя шесть лет в жесточайших условиях в спецотряде, даже существование ко-

того не было зафиксировано на бумаге в целях строжайшей секретности, несколько раз оказавшись на границе жизни и смерти, он вернулся в Треверберг, к приемной матери, в надежде на нормальную жизнь. Но потерял все, когда Сара лишилась мужа и рожденного сына, а он – матери.

Он справился. Нашел в себе силы. Повстречал Джейн. И был счастлив, пока доктор Абигейл не сделала то, что простить он так и не смог. Аксель провел слегка дрожащей от напряжения рукой по волосам. Нужно сходить в душ. Если он пережил разрыв с Джейн, пережил горячие точки, разведку, спецоперации, переловил кучу серийных убийц и обыкновенных психов, то он в состоянии принять тяжелый разговор со своей женщиной, если он случится.

Может, и не случится. Может, он накрутил себя, окунувшись в чужое горе, шокированный тем, что увидел в том доме. Он сохранял хладнокровие на работе. Но терял его, оставаясь наедине с собой. Перед глазами мелькали образы увиденного. Слезы матери Лоран. *«Мне кажется... я не знаю наверняка, но мне кажется, что... О боги, мне кажется, Джейсон домогался ее».*

Помимо воли руки Акселя сжались в кулаки. Если это действительно так, если это найдет подтверждение, Грин сделает все, чтобы доказать вину. И к черту исковую давность. Он знал несколько отменных прокуроров, кто сможет привлечь Вонга к ответственности.

Когда они его найдут.

То, что отчим связан с происходящим, Грин не сомневался. Это не укладывалось в общую картину. Но что, если?..

Аксель чуть не упал с мотоцикла, покачнувшись. Что, если «священник» и есть Джейсон Вонг? Вряд ли. Его не было в списках пропавших. Или был? Грин достал телефон и набрал номер Тима Дженкинса, который Марк сегодня вбил в аппарат. Тот ответил не сразу.

– Да, шеф?

– Ты проработал списки пропавших мужчин?

– Да. Сорок человек. Пока не понимаю, как подступиться к фильтрации, чтобы сузи...

– Джейсон Вонг. Там есть это имя?

Послышалось шелестение. Судя по всему, стажер сидел в управлении. Умничка.

– Как вы узнали, шеф?

– Проклятье, – Аксель прикоснулся пальцами ко лбу и прикрыл глаза. – Позвони Марку. Попроси его отправиться в музыкальную школу, где работал Вонг. Нужно узнать о нем все. А еще лучше – найти способ установить личность.

– Я вас не понимаю, шеф.

– Вонг – отчим «ведьмы». Это наш «священник», я почти уверен.

В трубке повисла тишина.

– Для меня распоряжения те же?

– Да, бросай бумажки, иди отдохни. Передай команде, сбор в час дня в моем кабинете. Ты со мной в училище. Кол-

линс и Карлин – в музыкальную школу.

– Будет сделано.

Грин отключился, не попрощавшись.

Проклятие.

В этом всем был один плюс. Если его гипотеза подтвердится, и «священник» действительно Вонг, у них проступает мотив. То, что Грин узнал, объясняет, почему «священник» молился и просил прощения. Но по-прежнему не объясняет, за что убили Лоран.

– Аксель, ты поднимаешься или нет? Я уже десять минут на тебя смотрю.

Он вздернул голову. Элизабет в легком шелковом халате стояла на их балконе. Он видел стройные длинные ноги и белье. Платиновые волосы спускались по плечам, завиваясь в тугие локоны. Она была умопомрачительно красива.

Он взял шлем, достал из кофра сумку, которую никогда не оставлял на улице, хлопнул мотоцикл по сиденью, будто желая спокойной ночи, и вошел в подъезд. Элизабет встретила его на пороге. От нее пахло сигаретами и кофе. Она забрала у него из рук все вещи, положила пальцы на отвороты кожаной куртки и, позволив ему закрыть дверь, толкнула так, что он прижался к ней спиной.

– Чем обязан такой щедрости?

– Заткнись.

– Ты пьяна?

– Грин, раз в жизни просто помолчи. И перестань меня

анализировать.

Элизабет избавила его от куртки. Добралась до рубашки, расстегнула ее, положила руки на его кожу. Руки были холодными. Аксель улыбнулся, глядя на нее с высоты своего роста.

– Вчера ты со мной не разговаривала, а сегодня решила...

– Я хочу тебя, – прервала она, вставая на цыпочки и припадая к его губам.

Грин сдался. Все лишние мысли, сомнения и опасения унесло на периферию сознания. Он привлек женщину к себе, положил правую ладонь ей на затылок и перехватил инициативу. Усталость, впрочем, тоже исчезла, уступив место знакомому предвкушению.

Так даже лучше.

12. Кейра

5 октября

8.30 утра, студенческий городок близ

Университета имени Уильяма Тревера

Стажер отдела по расследованию особо тяжких преступлений Центрального управления полицией Треверберга Кейра Коллинс нервно дернула шарф на шее. Тим позвонил, когда она уже подходила к дому. После этого позвонил Карлин (и это была самая счастливая минута дня), сообщив, что заедет за ней утром, и заставил продиктовать адрес. И теперь она стояла у своего подъезда в ожидании. Она встала в пять утра, не выспалась. Часа два перебирала одежду, стараясь не разбудить однокурсницу, с которой арендовала квартиру, но та спала мертвым сном. Редкая способность, которой Коллинс, страдавшая нарушениями сна, люто завидовала. Кейра остановилась на строгом брючном костюме и черных полусапожках на сантиметровом каблуке – теплых, непромокаемых и при этом достаточно изящных. В управлении у нее лежала сменная обувь, а по городу нужно перемещаться так, чтобы не заболеть и не отвлекаться на ерунду от основного дела.

Сложнее всего было подобрать верх. Она слегка поправилась, и все старые вещи стали тесноваты в груди. После дол-

гих мучений она выбрала нежно-зеленую и строгую рубашку, а к ней – пиджак от костюма. Сверху – пальто с капюшоном. Глянув в зеркало, поняла, что из-за увеличившейся груди смотрится несколько вызывающе, и повязала на шею шарф. Тонкий, шелковый. Черный. Он чудесно гармонировал с волосами и светлой кожей. На нее смотрела молодая женщина с пронзительно-голубыми глазами и тщательно выверенным макияжем, из-за которого она выглядела старше своего возраста. Волосы Кейра собрала в высокий хвост, чтобы не мешались. Но на самом деле – чтобы удлинить шею, добавить роста и произвести впечатление.

Она прекрасно знала, почему ее так волнует Карлин. История стара как мир. Она цепляется за фигуру отца и переносит на него тучу проекций. Только вот преподавателей у нее было много, в том числе покрасивее Карлина, а дышать она забывала только рядом с ним. Она забыла обо всем на свете, когда он впервые переступил порог аудитории и начал экспериментальный для академии курс по криминальной психологии. В следующем году, на психологии серийных убийц, Кейра уже сидела на второй парте (чтобы не слишком бросаться в глаза) и не пропускала ни одного занятия. К следующему году она перебралась на первую парту, брала дополнительные задания, даже стала старостой группы, чтобы получить право на прямой контакт. Влечение к Карлину и желание, чтобы он позволил ей писать выпускную работу под его крылом ради большего сближения, сделали из нее

лучшую студентку потока.

И вот он едет за ней.

Она тысячи раз выписывала свои состояния в дневник, а потом сжигала его. Десятки раз проговаривала это с аналитиком. Ничего не помогало. Не помогла даже попытка выбить Карлина из головы походом в ночной клуб и случайной связью. Парня она подцепила, получила то что хотела, сбросила напряжение, но следующую неделю не могла смотреть Марку в глаза. Ей было стыдно. А ведь он на тот момент не так давно женился.

Она нервно кусала губы, безнадежно съедая губную помаду, когда перед подъездом остановился длинный черный «Ауди». Стекло на пассажирской двери опустилось, она наклонилась и замерла, встретившись взглядом с доктором Карлином. Он улыбался.

– Доброе утро. Садись.

Кейра послушно открыла дверь и села. Подняла стекло обратно, минуту сомневалась насчет сумки и наконец поставила ее на заднее сиденье. Пристегнула ремень и положила руки на колени. Карлин снял автомобиль с парковочного тормоза, переключил передачу и выехал на узкую дорогу, которая вливалась в окружное шоссе. Музыкальная школа, в которой работал Джейсон Вонг, располагалась в старой части города в одном из особняков, ради которых в город съезжались туристы со всего мира. Марк сообщил, что сначала они заедут в школу и поговорят с преподавателями об об-

стоятельствах пропажи Вонга. Тем временем Тресс получит ордер на обыск и привезет его на Музыкальную улицу, куда Кейра и Марк отправятся после школы. У них не было никакой информации. Сообщение о пропаже поступило несколько дней назад, его зарегистрировали, но следствие не запустили. Отдел, который занимался пропажами людей, традиционно был перегружен и нуждался в ресурсах, которые ему никто не собирался выделять.

В детали финансирования различных отделов управления Кейра не вдавалась, но четко знала, что ей повезло, ведь на особо тяжкие у города всегда были деньги. С избытком. Так, что они смогли получить двух стажеров, с десятков офисных сотрудников для внештатной работы и Грина с Трессом и Карлином на полный день. С участников следственной группы указом Старсгарда были сняты все другие расследования.

Как ей повезло.

В салоне приятно пахло кожей и хвойным амортизатором. Марк Карлин, как всегда одетый в деловой костюм, выглядел невыспавшимся, но держался. Он улыбался. Негромко играло радио. То и дело он клал руку на рычаг переключения скоростей, внезапно сокращая расстояние между ними, и Кейра замирала, глядя на то, как он держит этот рычаг, как двигает его, а автомобиль отзывается на эти действия. Машина была новой. Идеальное состояние кожи и панели. Чистота. И он сам. Они смотрелись как единое целое.

Девушка невольно оглянулась на заднее сиденье, будто

проверяя, как там сумка. На самом деле ее мысли были от сумки далеки. Покраснев, она отвернулась и посмотрела в окно. Стало жарко.

– Долго меня ждала? – негромко спросил Марк.

Всю жизнь. Как только получила право чего-то ждать. И кого-то.

– Нет. Только спустилась, и вы подъехали.

– Хорошо. Сегодня холодно. Обсудим планы на день?

– Да, доктор Карлин.

Он молчал, и Кейра перевела взгляд на его лицо. Марк следил за дорогой, он посерьезнел и как бы замкнулся. Она видела, как завивались кончики его волос на шее, выбиваясь из идеальной прически. Мучительно захотелось их коснуться. Разгладить.

– Спрашивать буду я. Ты слушай и наблюдай. Пока я буду говорить с директором школы, можешь позаглядывать в классы. Может быть, кто-то из учеников скажет что-то интересное. Особенно следи за девочками.

– Почему?

Марк надолго замолчал. Загорелся красный сигнал светофора, и он остановил машину. Странно, до этого момента они встречали только зеленый. Будто кто-то специально переключил все светофоры в городе, чтобы они могли без пробок добраться до места. Он заговорил только тогда, когда автомобиль снова тронулся с места.

– Аксель предполагает, что Вонг насиловал свою падче-

рицу. И если это так, он мог проявиться с кем-то еще.

Сознание Кейры отключилось на слове «насиловал».

Мрак комнаты. Не включу свет, подумает, что сплю, не тронет. Но он приходит, вытаскивает ее из кровати за волосы и напоминает, что она должна быть хорошей девочкой. Она должна ждать его в другом месте. Всегда ждать. И радоваться, когда берет то, ради чего приходит. Когда он дает ей то, что не могут дать другие – по его словам. Каждую ночь, когда матери рядом нет или она спит после тяжелого рабочего дня. Душный подвал. Ожидание у двери. Ты должна хорошо выглядеть, Кейра. Ты должна смотреть мне в глаза, Кейра.

– Кейра?

– Да... Да? Все хорошо. Почему детектив Грин так считает?

– Не знаю. Но в таких вещах он обычно оказывается прав.

Кейра наклонила голову и чуть было не потеряла глаза, но вовремя вспомнила про макияж. Черт возьми. Вот был бы номер. Косметику она с собой не взяла. Карлин бы точно над ней посмеялся.

– Раскаявшийся священник, – прошептала она. – Вот почему его изуродовали. Не смотри, не трахай, не трогай.

– А, до тебя дошли слухи, – без улыбки сказал Карлин, отмечая, что она повторила озвученную в отделе доктора Абигейл фразу. – Именно так.

– Убийца отомстил отчиму девочки за то, что он с ней

делал.

– Да, мисс Коллинс, сейчас это основная версия следствия, – кивнул Марк, мигая дальним светом только что перестроившейся «Мазде», которая упорно ехала с черепашной скоростью, хотя давно было пора ускориться.

– В отчете написано, что тело девушки обожжено, но не сожжено. То есть он ее усыпил и поджег. Ради чего? – Она повернула голову, чтобы посмотреть на Карлина, но тот был занят дорогой.

Кейра замолчала. Марк остановил машину на следующем светофоре и взглянул на нее. Его карие глаза были такими мягкими и такими жесткими одновременно, что девушка задержала дыхание, погружаясь в их янтарную бездну и ощущая, что на самом деле в этом человеке много холода, профессиональной жестокости и расчета. И эта бесконечность притягивала ее сильнее статуса, сильнее жизненного сценария, который она переживала. Он был умен. Умные люди всегда холодны и почти всегда жестоки.

– Я думаю, он ее очистил, – наконец сказала Коллинс.

– Что?

– Насилие пачкает не только насильника. Это позор для жертвы. Так всегда было. Вспомните историю. Если женщину насильовали, ее же и обвиняли. И ее убивали. Казнили. Пламя – очищение. Он ее обжег, чтобы очистить душу и тело. А что было с ее влагалищем? – это слово далось ей с трудом.

– Обожжено, – сухо сказал Карлин.

– Вы злитесь? – обеспокоенно переспросила Кейра.

– Нет. Да. На себя. Очищение. Думаю, ты права. Он не хотел, чтобы девушка страдала. Вколол ей лошадиную дозу морфия. Когда сердце остановилось, повесил на столб и сжег. А вот священника обработал со всей жестокостью.

– У нас есть мотив. Осталось раскопать все остальное.

– Всего-то.

До музыкальной школы они ехали в гробовом молчании. Кейра была потрясена открытием и не понимала, как с ним существовать. Ее догадка не проверена, но она была убеждена в том, что права. Она чувствовала, что права. Карлин с ней согласился. Это было приятно. Но опять-таки – нет доказательств, что Вонг насиловал Лоран. Нет доказательств, что маньяк руководствовался именно этим. Но мучила ее другая мысль. Как так вышло, каких богов она разозлила, что первое же расследование ударило ее в самое сердце? Естественно, она идентифицировала себя с Лоран. И конечно же она мгновенно поверила в версию домашнего насилия. Потому что это было у нее внутри. Потому что по-другому она уже не могла смотреть на это дело. У нее мало опыта, ее нельзя назвать профессионалом. Что это: чутье или же просто нарисованная бессознательным картинка? Размышления отбросили ее на несколько лет назад, когда она слушала лекции по переносу², контрпереносу³ и проективной идентификации⁴.

² *Перенос* – термин из классического психоанализа. Означает перенос эмоций,

Что происходит? Она отозвалась на удобные факты и решила, что эта картинка – истина? Или эта картина действительно истина и она лишь увидела ее в полной мере?

Расследование покажет.

Теперь нужно было вникнуть в разум психопата, чтобы понять, что его толкнуло на это. Как он стал таким. Как к этому пришел. Неужели первое убийство может быть так тщательно спланировано?

Вообще-то он тысячу раз в своем сознании это делал.

– Доктор Карлин, – прошептала она, когда Марк припарковал машину у школы и уже собрался выходить. – Наш убийца – свидетель домашнего насилия. Либо он тысячу раз убивал своего отчима в фантазиях. Либо убивал до Лоран и Вонга. Предположительно Вонга.

– Предлагаю для начала на сто процентов убедиться, что второй труп принадлежит Вонгу, стажер Коллинс, – без пау-

чувств анализанта на психоаналитика. Например, анализант злится на психоаналитика, а на самом деле его агрессия направлена не на него, а на кого-то из прошлого, например мать.

³ *Контрперенос* – термин из классического психоанализа. Означает ответный перенос эмоций, чувств аналитика на анализанта. Например, анализанта жаль. Или аналитика начинает клонить в сон. Любые реакции аналитика также подвергаются анализу.

⁴ *Проективная идентификация* – термин из классического психоанализа. Это психический процесс, относимый к механизмам психологической защиты, заключается в бессознательной попытке одного человека влиять на другого таким образом, чтобы этот другой вел себя в соответствии с бессознательной фантазией данного человека о внутреннем мире другого.

зы отозвался Карлин, не отреагировав на суть ее замечания.

– Да, доктор Карлин.

Марк вышел из машины. Пока она тянулась за сумкой на заднее сиденье, он обогнул автомобиль, открыл пассажирскую дверь и подал ей руку. Кейра вложила пальцы в его теплую ладонь, чувствуя, как по телу бегают мурашки, и осторожно вышла из «Ауди». На короткое мгновение ей показалось, что Марк сжал ее руку. Девушка подняла на него глаза и задохнулась от его близости. Карие глаза Карлина следили за ней внимательно, но от него не исходило угрозы. Он отпустил ее руку, улыбнулся. Закрыв дверь, окинул автомобиль взглядом, проверяя, все ли взял, включая полицейское удостоверение, и, поставив машину на сигнализацию, отправился к музыкальной школе, которая представляла собой изящное двухэтажное здание, спрятанное за забором.

На пороге школы стояла чуть полноватая женщина лет пятидесяти. Скорее всего, директор.

– Доктор Карлин, – звучным, хорошо поставленным голосом поприветствовала она. – Не думала, что вы лично возьметесь за дело о пропавшем Вонге.

Марк остановился перед ней.

– Миссис Стоутон? Это офицер Кейра Коллинс, стажер, она со мной. Мы можем поговорить в вашем кабинете?

Женщина закивала. При этом туго завитые волосы запрыгали у нее на затылке. От влажности они напоминали шерсть пуделя.

– Проходите. Я с удовольствием с вами поговорю. И с вами, мисс. Заходите. На улице мерзко.

13. Аксель

5 октября

9.00. Балетное училище

Институт культуры

Студенческий городок

Грин поставил мотоцикл на парковку для студентов, обменялся парой ласковых с охранником, который опешил дважды: увидев мотоцикл и удостоверение детектива. Спорить с выбранным местом парковки охранник не стал, и Аксель сообщил ему, что оставляет технику под его надзором, и если проказливые студенты решат посидеть на «Хонде», спросит с него. Бледный как полотно охранник (наверняка один из тех, кого отчислили после первого курса полицейской академии) согласился с этой незапланированной ответственностью и принялся патрулировать парковку с удвоенным рвением. Аксель же направился к просторному зданию с белыми колоннами, где находились все балетные обучающие заведения города: школа, училище, академия.

Стажер стоял на пороге. Тим Дженкинс был похож на двойного агента в своем дорогом шерстяном пальто, явно купленном в одном из британских бутиков, открывшихся в деловом квартале. Без шапки, но в кожаных перчатках, он смотрелся диковато. Или, напротив, сошел бы за свое-

го. Чем тебе не профессор культурологии? Во всем подходил, кроме одного: пристальный, ледяной взгляд криминалиста. Неясно, откуда он у студента. Или предрасположенность, или личная история, или первое образование. Глаза Тима были почти такими же холодными, как у самого Акселя. И детективу он не понравился. Осталось только разобраться: не понравился потому, что Грин почувствовал родственную душу и инстинктивно оберегал свою территорию, или потому, что Дженкинс был опасен.

Опасен в чем?

При виде детектива, не изменившего себе и одетого в кожаную мотоциклетную куртку, которая придавала его и без того атлетической фигуре дополнительную статью, Дженкинс взмахнул рукой.

– Пунктуальность – это хорошо, – вместо приветствия сообщил Аксель. – Что-нибудь узнал?

Он ожидал, что стажер сделает круглые глаза и сообщит, что Грин не отдавал соответствующих распоряжений, но нет.

– Лоран Лоурден училась на третьем курсе балетной академии. Местные ее называют высшей школой, не понимаю, есть ли разница, но не суть. Я знаю, где найти руководителя класса и директора высшей школы. Вас ждут, детектив.

– Веди, – кивнул Аксель, мастерски скрывая удивление и удовлетворение.

Стажеры редко проявляли инициативу и еще реже делали это к месту. Антипатия к Дженкинсу как представителю вида

«безмозглый стажер» постепенно растворялась. Грин даже позволил себе подумать, что он должен быть более терпим к тому, что приходится подключать молодняк. В конечном счете полиции нужна молодая кровь.

– Вам неинтересно, как я это узнал? – приглушенно спросил Тим, когда начальник с ним поравнялся.

Аксель бросил на него взгляд.

– Если хочешь рассказать – расскажи.

– Пообщался с охранником.

– Что, прямо так в лоб?

Дженкинс кивнул.

– Да. Кстати, шеф, я должен вас предупредить заранее. Через две недели у моего отца юбилей, ему исполняется пятьдесят пять. У нас в семье есть традиция отмечать юбилей вдали от дома. Юбилей всей семьи. И всем быть обязательно. Могу я написать заявление на отпуск без содержания? Все подтверждающие документы я могу показать.

Грин остановился.

– Это плохо, – сказал он.

– Я понимаю! – всплеснул руками Дженкинс. – Но иногда семья превыше всего.

– Выбор твой.

– Если бы мог отменить поездку, я бы это сделал, но отец не простит...

– Мы приехали сюда не для этого, Дженкинс.

В молчании они дошли до поста охраны. Мужчина лет пя-

тидесяти окинул обоих колючим взглядом, но при виде стажера улыбнулся.

– А, молодой криминалист и его начальник, знаменитый детектив Аксель Грин. Не знал, что вы расследуете дела о пропаже людей.

– Мы занимаемся расследованием убийств. Что, свежий номер «Треверберг таймс» еще не приносили?

– Принесут с минуты на минуту, – ошалело ответил охранник.

– Тогда вы узнаете, что одна из ваших лучших студенток найдена мертвой. Я должен поговорить с ее классом, руководителем класса и директором заведения. Могу рассчитывать на вашу помощь?

Аксель говорил спокойно, даже неторопливо. И эта по-армейски отточенная и вкрадчивая речь подействовала на охранника сильнее, чем прямой приказ. Он даже приосанился.

– Вы служили, мистер... Претс, – прочитал на этикетке Грин.

– Служил, сэ. Афганистан.

Грин молча протянул ему руку. Охранник пожал ее и скупой улыбнулся.

– Вы офицер? – спросил он. – Видно.

Аксель кивнул. Тим следил за ним с нескрываемым удивлением.

– А теперь ловите мерзавцев.

– Я всегда ловил мерзавцев. Поможете нам?

– Да. А кого убили?

– Лоран.

В комнате охраны повисла мертвая тишина. Какая-то де-
вушка постучала в стекло – у нее не срабатывал пропуск.
Претс поднял на нее усталый взгляд, состроил грозную ро-
жу. Она достала студенческий билет, раскрыла его на стекле.
Претс нажал на кнопку открытия турникета.

– Хорошая была девочка. Забитая.

– Что вы о ней знаете?

– Да что я могу знать. Кроме того, что она чуть ли не един-
ственная, кто здоровался со мной. Иногда приносила сэнд-
вичи. И всегда улыбалась. Так тепло. Как дочка.

– Когда она пропала?

– Недели... три назад? Да, перестала ходить на занятия.
Ну с кем не бывает. Конечно, в балетной среде очень строго с
посещениями, и вообще. Но один, два дня – это куда ни шло.

– Спасибо, – кивнул Аксель. – Мы можем пройти?

– Да, минуту. Только запишу вас в журнал.

Грин посмотрел на Дженкинса. Тот стоял хмурый и отрешенный, будто наблюдал за происходящим со стороны. Когда охранник вернул им удостоверения и открыл турникет, Тим по-прежнему старался держаться рядом с начальником. Он снял перчатки, сунул их в карманы пальто.

– Нам до конца коридора. Там находится танцевальный класс, где занимается группа Лоран, – сообщил стажер. – И

там же кабинет директора высшей школы.

Грин кивнул. Здание было красивым. Немного напоминало дом, где ее нашли. Тот же мрамор, огромные колонны. Натертые полы, по которым бегали тысячи ног. Здесь танцевали. В гостиной, где ее сожгли, тоже когда-то танцевали. Устраивали настоящие балы. Это место было ее достойно.

Грин остановился так резко, что стажер чуть не влетел ему в спину.

– Что? – запинаясь, спросил он. – Что случилось?

– Дом не место убийства, это нам известно. Но он выбран не случайно.

– П-почему?.. – Голос у стажера сел.

Но детектив не мог сейчас отслеживать реакции впечатлительного юнца. Смешно, в ключе того, что сам Грин был старше его всего на несколько лет.

Аксель достал телефон и набрал номер Марка. Тот ответил сразу, будто держал трубку в руках.

– Ты занят? – спросил Грин.

– Да, мы с Коллинс в музыкальной школе.

– Уделишь мне минуту?

– Извините, – прикрыв ладонью телефон, куда-то в сторону сказал Карлин. Аксель услышал шаги, через мгновение все стихло. – Да, слушаю тебя.

– Дом выбран не случайно, – тихо и быстро заговорил детектив. – Если ты зайдешь в балетную школу, то обратишь внимание на то, что здесь точно такая же архитектура. Ко-

лонны, мрамор. Резные лестницы, перила. Балетная школа
раза в три больше, она располагается в старой усадьбе. Вы-
бранный убийцей дом – мини-копия. Он отдавал ей честь.

– Черт возьми.

– Это значит, что убили в другом месте. – Детектив бро-
сил быстрый взгляд на стажера, решая, стоит ли делиться с
ним мыслями. Сомнения пересилили, и он сделал знак Ти-
му, чтобы тот шел в сторону класса. – Он убил ради нее и
для нее. Все вокруг нее. И он откуда-то узнал про отчима и
насилие...

– Аксель, мы это пока не доказали. Мы даже не уверены,
что священник – это учитель.

– Я уверен в этом. Все складывается.

Карлин вздохнул.

– Найди дневники, – сказал он. – Это станет подтвержде-
нием.

– А еще она посещала психотерапевта. Ребята Тресса пы-
таются найти этого специалиста.

– Значит, у нас есть план. Я могу пойти работать?

Аксель отключился, не ответив. Его мучило ощущение,
что он что-то упускает. Мерзкое ощущение, сопровождав-
шее каждое расследование, даже самое захудалое. Как бы
глубоко ты ни погружался в процесс, как бы внимателен ни
был, иногда надо подняться над всеми уликами и посмот-
реть на картину сверху. Черт побери. Ему не хватало крюч-
ка. Прошло два дня.

Всего два дня.

Целых два дня.

Собрав волосы в хвост, детектив выключил ненавистный телефон, спрятал его во внутренний карман куртки и пошел за стажером, который стоял у входа в кабинет директора, как провинившийся школьник. Он, кажется, даже ссутулился.

– Что, не любишь учебные заведения? – беззлобно спросил Грин, поравнявшись со стажером.

– Не люблю кабинеты директоров.

С этими словами Дженкинс поднял руку, постучал в дверь и, дождавись разрешения, вошел.

Как и следовало ожидать, директором высшей школы или академии балета и, судя по всему, всех ее уровней, являлась балерина. Грин мельком видел интервью с ней. Она окончила академию Вахтангова в Петербурге. Ей прочили блестящую карьеру на российской и мировой балетной сцене, но Мирел Морулис выбрала другой путь. Она вернулась в Треверберг. Сначала основала балетный класс, а потом влилась в педагогический состав местной школы балета.

Женщина подняла на гостей глаза. Волосы тщательно собраны в пучок, шея длинная. Осанка великолепная. Ей было далеко за шестьдесят, но от нее веяло таким магнетизмом, что на мгновение Грин потерял дар речи. Дженкинс, вероятно, тоже. Он остановился около двери и не стал проходить в кабинет.

– Полиция, – констатировала Морулис. – Не могу сказать,

что рада видеть вас и вашего сотрудника, детектив Грин. Вы никогда не приходите, чтобы сказать что-то хорошее.

– Однажды Господь смилостивился, и я получил возможность сказать матери, что ее ребенок жив, – осторожно проговорил Грин. – Но, к сожалению, не в этот раз. Мы нашли тело одной из ваших учениц, Лоран Лоурден. Меня назначили руководителем следствия. Дженкинс наш стажер, он студент полицейской академии, криминалист. И нам нужна ваша помощь.

– Располагайтесь, офицеры, – без улыбки сказала директор. Шаль изящно соскользнула с ее плеча, задержавшись на сгибе локтя. – Честно говоря, когда мне позвонили, я подумала, что речь пойдет о другой девочке.

– Были и другие? – спросил Тим, за что получил строгий взгляд от Грина.

– Это балет, молодой человек. Здесь всякое бывает. Но это к делу не относится. Что вы хотите знать о Лоран?

– Мне нужен ключ от ее шкафчика в раздевалке, – сказал Грин. – Дженкинс, поговорите с подругами Лоран. А мы с директором пройдемся по школе.

Стажер вскочил, судя по всему, обрадованный возможностью уйти из кабинета.

– Могу идти?

– Да.

Директор проводила его прохладным взглядом золотисто-карих глаз. Когда за ним закрылась дверь, она посмотре-

ла на Грина. Выражение ее лица изменилось, будто она сняла одну из масок. В линии плеч появился легкий намек на усталую сутулость.

– У Лоран не было подруг. Балерины редко дружат. Они могут заниматься вместе, вместе отдыхать, даже спать друг с другом. Но они не дружат. Мы готовили Лоран к выпускному спектаклю. Она должна была танцевать главную партию. Эта информация просочилась в ряды учеников. Вы думаете, ее поэтому могли убить?

Грин покачал головой.

– Нет. Не думаю. Обстоятельства убийства наталкивают на совершенно другие мысли. Но спасибо. Обычно руководители подобных заведений скрывают все сложности до последнего и мешают расследованию.

– Мне нечего скрывать. Это балет. Стекло в пудре, битое стекло и гвозди в пуантах, подрезанные ленты, измазанная в масле пачка – это лишь маленький список того, с чем нам приходится сталкиваться. Балет жесток и прекрасен, как сама жизнь. Вы хотели посмотреть раздевалку. Зачем?

– Лоран вела дневник. Дома его нет. Я думаю, у нее здесь тайник.

Директор с пониманием кивнула и поднялась с места.

– Пойдемте. Балерины считают это место истинным домом. Они проводят здесь по десять-пятнадцать часов каждый день. У них один выходной в неделю. А выходным мы

называем день, когда балетный класс идет три часа, а не шесть. Вполне возможно, что важные вещи, которые хочется сохранить, она принесла сюда.

– Давно вы знаете Лоран?

– С четырех лет, как и всех здесь. В три-четыре года девочку приводят в балетный класс. Большинство отсеиваются. Но те, кто доживает до десяти, поступают в училище, кто идет дальше вместе с нами, навсегда в моем сердце. Вы любите математику, детектив?

– Ну, допустим, – улыбнулся Аксель, поднимаясь со своего места и открывая дверь перед директрисой. Женщина благодарно кивнула и вышла из кабинета, ничуть не растеряв свою статью. Она была ниже на голову, несмотря на туфли на высоком каблуке. Наверное, она восхитительно смотрелась на сцене.

– Из ста девочек и мальчиков, кто переступает порог балетного класса в три-четыре года, до выпуска из училища доходит восемь. Из них только двое выпускаются из академии.

– Откуда тогда такая бешеная конкуренция?

– Балерина танцует десять лет. А примы может быть только две. Группы в училище обычно двадцать-тридцать человек. В высшей школе – пятнадцать. К нам приезжают учиться из других городов. У нас хорошая балетная школа. Есть преподаватели даже из Петербурга.

– Балет – это призвание?

Морулис остановилась и посмотрела ему в глаза.

– А служение в полиции?

– Это работа.

– Ой ли? Я вижу по вашим глазам, что вы выбрали эту профессию для себя не от безнадежности. Вы не отделяете себя как детектива от себя как мужчины и человека. Профессия детектива определяет вас, вы дышите ею. Разве справедливо называть ее просто работой?

Аксель не нашелся с ответом, и директриса тонко улыбнулась.

– Мы пришли, детектив. Вот раздевалка. Девочки, оставьте нас, пожалуйста, – кивнула она тараторящим балеринам, которые, судя по всему, вышли из душа. Аксель почувствовал, как несколько пар юных глаз впились в его лицо и тело, но даже не улыбнулся, все еще переваривая произнесенные Морулис слова. – Вот шкафчик Лоран. А вот ключи.

Грин посмотрел на коробку со стеклянной крышкой, прибитую к стене.

– Доступ у каждого?

– У нас есть камера, она направлена на ключи, – спокойно ответила директор. – Вас оставить – или мне лучше побыть рядом?

– Для изъятия вещдоков, если я их найду, нужны понятия. Оставайтесь и позовите кого-то еще.

Грин достал нужный ключ из коробки, открыл шкафчик и осмотрел содержимое. Победной улыбки он не сдержал. Он уже видел стопку тетрадок, засунутых под сменную одежду

и пуанты.

– Ребекка, зайди, я знаю, что ты подслушиваешь.

Дверь скрипнула, пропуская одну из девушек, только что покинувших раздевалку. Аксель посмотрел на нее и молча надел латексные перчатки.

– Я забираю это, – сказал он, доставая пачку тетрадок, перевязанных лентой от пуантов. Он опустил тетради в специальный пакет, положил его на полку и быстрыми движениями просмотрел содержимое шкафчика Лоран. Несколько гольфов, теплые носки, пара потертых пуант, два мотка свежих лент, к дверце приклеена фотография Киану Ривза в роли Нео, вырезанная из журнала. К ней – открытка с поздравлением с днем рождения. Календарь с обведенными датами. Лучше всего забрать все.

– Остальные вещи опишет и привезет в участок офицер Дженкинс.

14. Марк

5 октября

09.15 утра

Музыкальная школа имени Люси Тревер

Марк Карлин положил трубку и провел свободной рукой по волосам, пытаясь этим импульсивным жестом привести мысли в порядок. Аксель, как всегда, вывалил на него тонну информации и домыслов. Да. Грин был прав в одном – он действительно крайне редко ошибался в подобных вещах. Но обычно он и не делал выводов, основываясь... ни на чем? Так правильнее будет сказать? Да, все складывалось и казалось прозрачным. Но Карлин чувствовал – дело их еще удивит. Первая волна эйфории прошла. Сегодня они все выяснят, нужно лишь запастись терпением и открыть уши, глаза и сердца. Чтобы ничего не пропустить.

– Все хорошо? – приглушенно спросила Кейра.

Директор музыкальной школы, миссис Стоутон, вежливо удалилась в свой кабинет, предоставив Карлину возможность поговорить с коллегой. Стажер осталась при нем, наотрез отказавшись уходить. И теперь они получили несколько минут наедине. Марк – для того, чтобы пересобрать и структурировать мысли. Кейра – чтобы подготовиться к опросу потенциальных свидетелей.

– Да, нам нужно сделать свою работу на «отлично». Детектив Грин сейчас в балетной школе. Говорит, что здание школы очень похоже на особняк, где мы их нашли, – быстро и тихо заговорил Марк. Студентка подошла к нему почти вплотную, чтобы не пропустить ни звука. – Он предполагает, что выбор места инсталляции – определенная дань уважения жертве. Все, что сделано, было ради нее. Он ее жалел. Это уже мои мысли. Аксель уверен, что труп в нашем морге – это Вонг.

– А вы? – так же тихо спросила Кейра.

От этого вопроса Карлин пришел в себя. От ее близости закружилась голова. С трудом взяв себя в руки, он с тоской подумал о браке, который уже трещал по швам, о сыне, который ни в чем не виноват, и отстранился.

– У нас много работы, – чуть суше, чем хотел, проговорил он. – Меня ждет директор. А ты иди по классам. Встретимся на выходе, расскажешь, что узнала.

– Да, доктор Карлин, – спокойно отреагировала она, будто не заметив смену его настроения. Или она просто привыкла к подобному. Кто знает.

Карлин кивнул и направился в кабинет директора, на ходу продумывая воронку вопросов, которые требовалось задать.

Миссис Стоутон ждала его за рабочим столом, заваленным бумагами. Опытный взгляд преподавателя выхватил расписание, служебные записки, объяснительные учителей и учеников. Эта музыкальная школа была крупнейшей в горо-

де и выпускала каждый год около трех сотен учеников. Директора тут избирались на четыре года и утверждались министерством культуры. Судя по дипломам, миссис Стоутон – известная пианистка. Консерватории в Треверберге пока не было, и Музыкальная школа имени Люси Тревер взяла на себя нелегкую ношу культпросвет-миссии. Сюда стремились все мало-мальски одаренные дети, только вот брали немногих. Строжайший отбор.

Впрочем, как и с преподавателями.

– Спасибо, что уделите время, – сказал Марк, занимая место напротив директора.

Стоутон приспустила очки на чуть вздернутый кончик тонкого носа и улыбнулась.

– Мой муж работал в полиции двадцать лет, доктор Карлин. Я понимаю, что любой звонок для вас – это критично. Также понимаю, что помощь, которую могу оказать я, лишь для меня кажется малой, а для вас может иметь большое значение. Но я все равно не понимаю, почему именитый профайлер взялся за дело об исчезновении одного из самых неприметных людей в этом городе.

– Неприметных?

– Вонг – просто тень. Он великолепен в теории, он чувствует сольфеджио как никто. Но он... неинтересен, что ли. То, что он пропал, это, конечно, странно.

– Вы считаете, его дело недостойно моего внимания?

Директриса подняла руки в миролюбивом жесте. Карлин

посмотрел на нее внимательнее. Полноватая, крашеное черное каре. Одежда недорогая, но подобрана со вкусом. Пианистки явно не из тех, кого одаривали украшениями и подарками. И зарплата была сравнительно невысокой. При муже-полицейском, вышедшем на пенсию, которого Марк лично не знал, она была... естественной. Обычная жена обычного мужа. Пианистка. Он не считывал в ней ни воздушность, ни музыкальность. Административная работа наложила свой отпечаток.

– Я считаю... Не знаю. Меня пугает пропажа Вонга.

– Вас пугает его пропажа или сам Джейсон Вонг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.